

НАТАЛИ АРЕНБРИСТЕР

ПРОЦЕДУРА

НЕКОТОРЫЕ
ДВЕРИ
ЛУЧШЕ
НЕ ОТКРЫВАТЬ

4
ЭТАЖ

СОГЛАСИЕ
СОХРАНЯЕТ
ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Натали Аренбристер

Процедура

<https://litres.ru/74459822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три человека найдены мёртвыми в обычной квартире. Дверь заперта изнутри. Следов посторонних нет. Единственная странность - вскрытый технический щиток на лестничной клетке и пустота за ним, которой там не должно быть.

Для детектива это должно было стать очередным сложным делом. Вместо этого расследование начинает расплзаться по городу. Исчезают люди. Меняются документы. Знакомые места перестают подчиняться собственной геометрии. А те, кто пытается помочь, либо пропадают, либо возвращаются уже не совсем собой.

Постепенно становится ясно: за происходящим стоит не человек и даже не существо в привычном понимании.

Оно изучает людей.

И чем лучше понимает, как устроены наши правила, привычки и страхи, тем меньше ему приходится прятаться.

Потому что самый удобный способ проникнуть в человеческий мир - сделать так, чтобы человек сам открыл дверь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	74
Глава 7	105
Глава 8	135
Глава 9	161
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Натали Аренбристер

Процедура

Глава 1

Город выглядел так, будто его забыли закрыть на зиму, но зима почему-то не пришла. Ранняя осень растянулась, как дешёвая резина. Листья уже пожелтели, но не падали, цеплялись за ветви с какой-то упрямой, почти человеческой глупостью. Воздух был сырым, липким, с привкусом железа и мокрого асфальта. Такой воздух не освежает. Он как будто задерживается в лёгких дольше положенного, будто проверяет, есть ли внутри что-то стоящее.

Детектив стоял у подъезда и курил уже вторую сигарету подряд, не потому что хотелось, а потому что так проще не думать. Мысли в такие дни имеют неприятную тенденцию собираться в узлы. Если их не распускать сразу, потом приходится резать.

Подъезд был старый, панельный, с облупленной краской и запахом, который невозможно описать без участия слов вроде «влага», «плесень» и «человеческая усталость». Внутри уже работали криминалисты. Изредка оттуда выходили люди в перчатках, с лицами, на которых читалась усталость, перемешанная с профессиональным отвращением.

Он затаился, выдохнул медленно, наблюдая, как дым распадается на тонкие слои. В такие моменты мир кажется структурированным. Всё делится на уровни, на слои, на причины и следствия. Это иллюзия. Но полезная.

Телефон завибрировал. Он даже не посмотрел сразу. Подождал пару секунд, будто давая реальности шанс передумать.

Не передумала.

Он ответил.

— Ты уже внутри? — голос в трубке был сухой, деловой, без попыток быть человеческим.

— Нет. Наслаждаюсь архитектурой.

— Там три тела.

— Я слышал.

Пауза. Короткая, но достаточно плотная.

— Это не просто тройное убийство, — добавили на том конце.

Он усмехнулся, но без радости.

— Они всегда не просто.

Он сбросил вызов и затушил сигарету о бетонный край урны. Потом вошёл.

Подъезд встретил его теплом, которое не грело. Оно было чужим. Как если бы кто-то включил отопление не для людей, а для чего-то другого.

На третьем этаже стояли двое патрульных. Один из них кивнул. Второй даже не посмотрел. Видимо, уже видел.

Квартира была открыта.

Запах вышел первым.

Он не был резким. Не был таким, каким его описывают в учебниках. Не «запах смерти». Скорее, смесь металла, влажной ткани и чего-то сладковатого, почти приторного. Как будто реальность попыталась замаскировать происходящее, но сделала это плохо.

Он вошёл.

Первое, что бросалось в глаза, это порядок.

Комната не выглядела разгромленной. Мебель стояла на местах. Ничего не перевернуто. Никаких следов борьбы в привычном смысле. Это всегда хуже. Когда хаоса нет, значит, его не было. Значит, всё происходило иначе.

Тела были в гостиной.

Три человека. Двое мужчин, одна женщина.

И все они были... аккуратно разложены.

Он остановился на секунду. Не потому что был шокирован. Шок это роскошь, которую он давно себе не позволял. Скорее, это было профессиональное раздражение. Когда что-то слишком странное, это усложняет работу. А он не любил усложнений.

Первый мужчина лежал на спине. Руки вдоль тела. Лицо спокойное, почти расслабленное. Если бы не глаза. Они были открыты. И в них было что-то, что не укладывалось в стандартный набор эмоций перед смертью.

Не страх.

Не боль.

Скорее, осознание.

И это раздражало.

Горло было разрезано. Чисто. Почти хирургически. Ни рваных краёв, ни лишних движений. Тот, кто это сделал, не спешил.

Второй мужчина сидел в кресле. Его голова была наклонена вбок под неестественным углом. Шея сломана. Но не грубо. Не как в драке. А так, будто это был... жест. Движение, доведённое до логического конца.

Женщина лежала на полу. На боку. Колени слегка подтянуты. Поза, в которой люди обычно засыпают, когда устали настолько, что уже не важно, где.

На её лице была кровь. Но не её.

Он присел рядом.

Кровь принадлежала первому мужчине. Это было очевидно по направлению. Но вопрос был в другом.

Почему она не пыталась вытереть?

Почему никто не двигался?

Он поднялся.

— Что у нас? — спросил он, не оборачиваясь.

— Без признаков взлома, — ответил один из криминалистов. — Соседи ничего не слышали. Время смерти примерно одинаковое.

— Оружие?

— Не нашли.

Он кивнул.

Это начинало складываться в неприятную картину. Слишком чисто. Слишком тихо. Слишком... контролируемо.

Он прошёлся по комнате.

На столе стояли три чашки. Чай. Уже остывший. В одной из них плавал кусочек лимона.

Он наклонился, понюхал.

Обычный чай.

Он посмотрел на тела.

— Они знали друг друга?

— Да. Семья. Муж, жена, брат.

Он усмехнулся.

— Семейные ужины редко заканчиваются так аккуратно.

Он снова посмотрел на первого мужчину.

Что-то было не так.

Не в ране. Не в положении. А в выражении.

Он подошёл ближе.

И только тогда заметил.

Зрачки.

Они были расширены. Не просто расширены. Они были... зафиксированы. Как будто человек смотрел не на комнату. Не на убийцу.

А сквозь.

— Он что-то видел, — пробормотал детектив.

— Что?

— Не знаю.

И это было правдой. Но не полной.

Потому что в этот момент у него появилось ощущение.

Слабое. Почти незаметное.

Как будто в комнате было что-то ещё.

Не человек.

И не пустота.

Он обернулся.

Никого.

Конечно.

Он снова посмотрел на женщину.

Её пальцы были слегка сжаты. Как будто она держала что-то.

Он аккуратно разжал их.

Ничего.

Но кожа на ладони была чуть покрасневшей. Как после давления.

— Она что-то держала, — сказал он.

— И где это?

Он пожал плечами.

— Хороший вопрос.

Он встал.

Комната вдруг показалась теснее.

И тише.

Слишком тише.

Он сделал шаг назад.

И в этот момент лампа на потолке моргнула.

Раз.

Ещё раз.

Кто-то из криминалистов выругался.

— Проводка, — сказал тот.

Детектив не ответил.

Он смотрел на тела.

И на секунду ему показалось, что выражение лица первого мужчины изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Как если бы кто-то провёл тонкую линию по реальности и сместил её на миллиметр.

Он моргнул.

Лицо снова было прежним.

Спокойным.

Осознанным.

Мёртвым.

Он медленно выдохнул.

— Заканчивайте здесь, — сказал он. — И проверьте камеры. Все.

— Уже.

Он кивнул и направился к выходу.

Но у двери остановился.

Обернулся.

Комната выглядела так же.

Но ощущение не ушло.

Оно стало плотнее.

Как будто воздух сжался.

Как будто что-то... наблюдало.

Он усмехнулся. Коротко, без эмоций.

— Отлично, — тихо сказал он. — Только этого не хватало.

И вышел.

В подъезде было холоднее.

Реальность вернулась к своему привычному состоянию.

Грязная, понятная, логичная.

Почти.

Он достал сигарету.

Зажёг.

Сделал глубокую затяжку.

И впервые за долгое время почувствовал, что дело ему не нравится.

Не из-за жестокости.

Не из-за количества тел.

А из-за структуры.

Слишком ровно.

Слишком тихо.

Слишком... правильно.

А такие вещи всегда означают одно.

Кто-то знал, что делает.

И, что хуже, знал, зачем.

Глава 2

Осень в этом городе не начиналась. Она накапливалась. Слойми, как налёт на старых трубах. Сначала сырость. Потом липкая прохлада. Потом запахи, которые невозможно выветрить. Гниющие листья, мокрый бетон, дешёвый табак и что-то ещё, едва уловимое. Металл. Всегда металл.

Детектив стоял у окна своего кабинета и смотрел вниз, где люди двигались с предсказуемой бессмысленностью. Потопки. Маршруты. Повторяемость. Всё выглядело как система. И это бесило. Потому что система предполагает логику. А логика вчера осталась в той квартире, вместе с тремя аккуратно разложенными телами.

Он не спал. Не потому что не мог. Просто не видел смысла. Сон не даёт ответов, он их размывает. А сейчас ему нужна была чёткость. Хотя бы иллюзия.

На столе лежало дело. Тонкая папка. Слишком тонкая для трёх трупов. Он открыл её ещё раз, хотя уже знал каждую строку.

Фамилия: Кравцов.

Отец, мать, младший брат.

Без судимостей. Без долгов. Без конфликтов, которые можно было бы развернуть в мотив. Стандартная семья с предсказуемым набором проблем. Работа, усталость, мелкие ссоры, которые не доходят до ножа в горле.

Он закрыл папку.

— Бессмысленно, — сказал он вслух.

— Уже разговариваешь сам с собой?

Он не обернулся. Голос он узнал сразу.

— Ты рано, — ответил он.

— Ты не уходил.

Она прошла в кабинет, не спрашивая разрешения. Как обычно. Следовательно, формально прикреплённая к делу, фактически — человек, который задаёт вопросы, на которые никто не хочет отвечать.

Она поставила на стол два стакана кофе. Один перед ним. Второй оставила себе.

— Ты был там дольше всех, — сказала она. — Что ты увидел?

Он взял стакан, но не пил.

— Порядок.

— Это плохо?

— Это невозможно.

Она села напротив, внимательно глядя на него. Не на лицо. Глубже. Как будто пыталась зафиксировать не выражение, а процесс.

— Расскажи нормально.

Он выдохнул.

— Нет следов борьбы. Нет хаоса. Нет импульса. Всё... выстроено. Как будто кто-то заранее знал, где кто будет лежать.

— Может, знали.

— Нет.

Он поставил стакан.

— Люди не умирают так. Даже если их убивают.

Пауза.

— А как они умирают?

Он усмехнулся.

— Плохо. Грязно. С ошибками. С попытками выжить. С хаосом.

Он посмотрел на неё.

— Там этого не было.

Она кивнула.

— Значит, либо их не убивали...

— Либо они не сопротивлялись.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Вот это и интересно.

Она сделала глоток кофе.

— Экспертиза что-то дала?

— Предварительно — нет следов наркотиков. Никаких очевидных токсинов. Время смерти совпадает.

— Оружие?

— Нет.

— Камеры?

Он усмехнулся.

— А вот тут начинается цирк.

Она чуть подалась вперёд.

— Не говори.

— В доме есть камеры. В подъезде, у лифта, на входе.

— И?

— И никто не заходил.

Пауза стала плотнее.

— Вообще?

— Вообще.

— А выходил?

— Тоже нет.

Она медленно поставила стакан.

— Ты уверен?

— Я пересмотрел записи три раза. И ещё раз в ускорении.

— Может, есть слепые зоны?

— Есть. Но не такие, чтобы человек прошёл незаметно с третьего этажа.

Он замолчал.

Она тоже.

В кабинете стало тихо. Не просто тихо. Как будто звук отфильтровали.

— Ты хочешь сказать, что их никто не убивал? — спросила она наконец.

— Я хочу сказать, что я не вижу, кто это сделал.

Он встал.

— И мне это не нравится.

Он подошёл к доске. Там уже висели фотографии. Квартира. Тела. Крупные планы.

Он указал на первого мужчину.

— Посмотри на глаза.

Она подошла.

— Расширены.

— Это не просто реакция.

— Тогда что?

Он не ответил сразу.

— Это... фиксация.

— На чём?

Он посмотрел на фото.

— Вот именно.

Она перевела взгляд на него.

— Ты что-то не договариваешь.

Он усмехнулся.

— Я не люблю формулировать то, что не могу доказать.

— Попробуй.

Он молчал несколько секунд.

— У меня было ощущение, — сказал он наконец.

— Какое?

— Что в комнате было больше, чем три человека.

Она скрестила руки.

— Ты серьёзно?

— Нет, я шучу. Конечно, серьёзно.

Она вздохнула.

— Ты сам слышишь, как это звучит?

— Да.

— И?

— И мне всё равно.

Он повернулся к окну.

— Это не ощущение «кто-то спрятался». Это другое.

— Объясни.

Он провёл рукой по лицу.

— Как будто... пространство плотнее.

— Это не объяснение.

— Я знаю.

Он снова посмотрел на неё.

— Ты была там?

— Нет.

— Тогда просто поверь, что это не обычное место преступления.

Она не ответила.

Потому что видела. Не место. Его.

И это было хуже.

— Ладно, — сказала она. — Допустим. Что дальше?

Он вернулся к столу.

— Дальше мы ищем то, что не вписывается.

— Например?

— Повторяемость.

— В смысле?

— Если это система, она повторится.

Она усмехнулась.

— Отлично. Значит, ждём ещё три трупа.

Он не улыбнулся.

— Да.

Пауза.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сказал?

— Да.

— И тебя это устраивает?

Он посмотрел на неё.

— Меня ничего не устраивает.

Он взял папку.

— Я поеду к соседям.

— Они уже опрошены.

— Повторно.

— Зачем?

Он на секунду задумался.

— Потому что люди плохо запоминают то, что не укладывается в их картину мира.

Она встала.

— Я с тобой.

— Не надо.

— Это не просьба.

Он посмотрел на неё.

— Хорошо.

Дом выглядел так же, как вчера. Сырым, уставшим, с облезлыми стенами и окнами, которые давно перестали что-либо отражать.

Они поднялись на третий этаж.

Квартира была опечатана.

Он постучал в соседнюю.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти. Усталое лицо, взгляд человека, который привык не задавать вопросов.

— Да?

— Полиция.

Она кивнула, будто это ничего не меняло.

— Вы вчера говорили, что ничего не слышали.

— Не слышала.

— Вообще ничего?

— Нет.

Он посмотрел на неё внимательно.

— А необычное?

— В смысле?

— Свет. Звук. Запах.

Она задумалась.

Секунда.

Две.

— Свет моргал, — сказала она.

Он слегка наклонил голову.

— Когда?

— Вечером. Я подумала, что проводка.

— Часто?

— Нет. Пару раз.

— И всё?

Она пожала плечами.

— Да.

Он кивнул.

— Спасибо.

Они вышли.

— Ну? — спросила она.

— Уже что-то.

— Моргающий свет?

— Да.

Она усмехнулась.

— Сильная зацепка.

Он не ответил.

Они спустились.

На улице было серо. Не пасмурно. Просто без цвета.

Он остановился.

— Что? — спросила она.

Он смотрел на дом.

— Ты чувствуешь?

— Что?

Он молчал.

Потом покачал головой.

— Ничего.

Он достал сигарету.

Зажёг.

Сделал затяжку.

И в этот момент у него снова появилось это ощущение.

Короткое.

Резкое.

Как если бы что-то...

Посмотрело в ответ.

Он резко обернулся.

Никого.

Только окна.

Слепые.

Пустые.

И на секунду ему показалось, что в одном из них кто-то стоит.

Наблюдает.

Он моргнул.

Окно было пустым.

— Ты в порядке? — спросила она.

Он выдохнул дым.

— Нет.

Пауза.

— Отлично, — добавил он тихо. — Значит, мы на правильном пути.

Глава 3

Ночь в этом городе не наступала. Она просто становилась гуще. Как раствор, в котором растворено слишком много постороннего. Свет не исчезал, он терял структуру. Фонари не освещали, а выдавливали из темноты куски пространства, оставляя между ними провалы. И в этих провалах было что-то неприятное. Не опасное в прямом смысле. Скорее... не предназначенное для наблюдения.

Детектив не любил ночь. Не из-за темноты. Из-за того, что ночью логика начинает давать сбои. Днём всё можно объяснить. Или хотя бы притвориться, что можно. Ночью объяснения начинают звучать как оправдания.

Он сидел в машине, двигатель работал на холостых, создавая низкий, ровный гул. Такой звук обычно успокаивает. Но не сегодня. Сегодня он только подчёркивал, насколько всё остальное тихо.

Дом напротив выглядел обычным. Те же окна, те же балконы, те же занавески, за которыми происходила чья-то жизнь. Или имитация жизни. После вчерашнего он уже не был уверен.

Он не планировал сюда возвращаться. Просто оказался рядом. Как будто маршрут сложился сам. Это раздражало. Он не любил, когда решения принимаются без его участия.

Телефон лежал на пассажирском сиденье. Несколько про-

пущенных вызовов. Он не смотрел от кого. Не потому что не хотел. Просто это не имело значения.

Он снова посмотрел на дом.

Третье окно слева, второй этаж.

Пусто.

Он точно помнил, что вчера там кто-то стоял.

Или ему показалось.

Он выдохнул.

— Отлично, — тихо сказал он. — Начинаем сомневаться в базовых вещах.

Он заглушил двигатель.

Тишина стала плотнее.

Он вышел из машины.

Воздух был холоднее, чем днём. Но не свежий. В нём была та же примесь. Металл. Лёгкий, но устойчивый. Как если бы где-то рядом что-то ржавело, но не разрушалось.

Он подошёл к подъезду.

Дверь была закрыта. Домофон не работал. Или делал вид.

Он нажал кнопку.

Ничего.

Он усмехнулся.

— Конечно.

Он постучал.

Тишина.

Он уже собирался развернуться, когда замок щёлкнул.

Дверь открылась сама.

Он замер на секунду.

Потом вошёл.

Подъезд был тёмнее, чем днём. Лампочка на первом этаже моргала с нерегулярной периодичностью. Не ритм. Случайность. Или имитация случайности.

Он поднялся на второй этаж.

Остановился.

Третье окно слева.

Он подошёл ближе.

Стекло было грязным, с разводами. Сквозь него плохо видно, но достаточно, чтобы понять — квартира пустая.

Он провёл пальцем по стеклу.

Холодное.

Слишком холодное для помещения.

Он отдёргнул руку.

И в этот момент лампа над ним погасла.

Полностью.

Не моргнула. Не потухла постепенно. Просто исчезла.

Темнота накрыла мгновенно.

Он замер.

Не из страха. Из расчёта.

Темнота — это не проблема. Проблема в том, что её вызвало.

Он медленно вдохнул.

И слышал.

Не звук.

Скорее... отсутствие звука.

Как если бы подъезд перестал существовать в привычной акустике. Даже его собственное дыхание звучало иначе. Глухо. Как через ткань.

Он сделал шаг.

Пол скрипнул.

И этот звук показался чужим.

Он остановился.

— Хватит, — тихо сказал он. — Это просто электричество.

Ответа не было.

И не должно было быть.

Он достал телефон.

Экран загорелся.

Свет от него был слишком ярким. Резким. Как будто он не освещал, а вырезал кусок пространства.

Он направил его вперёд.

Стена.

Дверь.

Ничего необычного.

Он сделал ещё шаг.

И в этот момент почувствовал.

То же самое.

Как вчера.

Но сильнее.

Как будто пространство сжалось.

Как будто воздух стал плотнее.

Как будто...

Кто-то стоит слишком близко.

Он резко обернулся.

Свет телефона скользнул по стене.

Пусто.

Конечно.

Он выдохнул.

— Психосоматика, — пробормотал он. — Переработка.

Он сделал ещё шаг.

И слышал это.

Сначала он не понял, что именно.

Потом осознал.

Дыхание.

Не его.

Слабое.

Неровное.

Сзади.

Он замер.

Медленно повернулся.

Свет телефона дрогнул.

Пусто.

Но дыхание осталось.

Он сделал шаг назад.

Дыхание стало ближе.

Он резко поднял телефон выше.

И на долю секунды увидел.
Не лицо.
Не фигуру.
Скорее... искажение.
Как если бы воздух на мгновение потерял форму.
Он моргнул.
Ничего.
Тишина.
Лампа вспыхнула.
Свет вернулся.
Резко.
Больно для глаз.
Он стоял один.
Подъезд был обычным.
Грязным.
Сырым.
Логичным.
Он медленно опустил телефон.
Рука слегка дрожала.
Он посмотрел на неё.
— Отлично, — сказал он тихо. — Началось.
Он вышел на улицу.
Воздух показался легче.
И это было хуже.
Потому что означало, что дело не в нём.
Он достал сигарету.

Зажёг.

Сделал глубокую затяжку.

Дым был плотным. Настоящим. Он зафиксировал его взглядом, как якорь.

Реальность снова собралась.

Почти.

Телефон завибрировал.

Он посмотрел.

Номер неизвестный.

Он ответил.

— Да.

Пауза.

Потом голос.

Женский.

Спокойный.

Слишком спокойный.

— Вы были там.

Он не ответил сразу.

— Кто это?

— Это не важно.

— Тогда разговор окончен.

— Вы чувствуете.

Он замер.

Сигарета в пальцах медленно тлеет.

— Что именно?

— Нестабильность.

Он усмехнулся.

— Вы из тех, кто продаёт курсы по осознанности?

— Вы видели.

Пауза.

— Вчера.

Он не ответил.

— И сегодня.

Он выдохнул.

— Вы за мной следите?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете?

— Это не знание.

— Тогда что?

Пауза.

Длиннее, чем нужно.

— Связь.

Он покачал головой.

— Слушайте, если это розыгрыш...

— Три тела — это не розыгрыш.

Он замолчал.

— Кто вы?

— Та, кто уже заплатил.

Он нахмурился.

— За что?

— За то, что вы только начинаете понимать.

Связь оборвалась.

Он посмотрел на экран.

Номер исчез.

Не «не отвечает».

Не «недоступен».

Просто исчез.

Он опустил руку.

Сигарета догорела до фильтра.

Он не заметил.

Он посмотрел на дом.

Окна были тёмными.

Пустыми.

Но теперь он был уверен.

Это не иллюзия.

Это система.

И она уже включилась.

Он бросил окурок.

Раздавил.

И впервые за долгое время почувствовал не раздражение.

Интерес.

Холодный.

Чёткий.

Опасный.

— Ладно, — сказал он тихо. — Посмотрим, кто здесь кого наблюдает.

Глава 4

Утро не наступило, оно просто стало светлее, как если бы кто-то увеличил экспозицию, не трогая содержимое кадра. Город выглядел тем же самым, только с претензией на нормальность, и эта претензия раздражала больше всего. После ночи нормальность казалась не фактом, а договорённостью, причём сомнительной.

Детектив сидел в кабинете, не снимая куртки, и смотрел на доску. Фотографии перестали быть просто изображениями, они начали складываться в структуру, у которой не было названия, но было давление. Он не любил такие вещи. Их нельзя было объяснить, а значит, нельзя было контролировать. Только наблюдать. И то с риском.

Он провёл пальцем по краю стола, собирая тонкий слой пыли, и отметил, что это единственное, что ведёт себя предсказуемо. Всё остальное в комнате выглядело как будто с поправкой на чужое присутствие.

Телефон лежал перед ним. Погашенный экран, но ощущение, что он может загореться в любой момент без причины, не отпускало.

Он открыл папку снова.

Взгляд упал на фотографию женщины.

Под ногтями не было следов борьбы. Это он видел сразу. Но теперь заметил другое.

Под одним ногтем — тонкая тёмная линия.
Не кровь. Не грязь.
След.
Как будто она царапала не поверхность.
А что-то, что не должно оставлять следов.
Он наклонился ближе.
Линия как будто... смещалась.
Не физически.
В восприятии.
Он откинулся назад и закрыл глаза.
Тишина.
И в этой тишине появился звук.
Не звук.
Скорее ощущение.
Как если бы ногтем провели по стеклу очень далеко.
Он открыл глаза резко.
В этот момент телефон загорелся.
Без вибрации.
Без сигнала.
Чёрный экран.
Одна строка:
«не смотри на них слишком долго»
Он не взял его сразу.
Пауза.
Потом всё-таки коснулся экрана.
Текст исчез.

Без следа.

Он встал.

Резко.

Подошёл к доске.

Уставился на первого мужчину.

На глаза.

На эту фиксацию.

— Куда ты смотрел... — тихо сказал он.

Он сделал шаг в сторону.

Меняя угол.

И в этот момент изображение на фотографии как будто сместилось.

На долю миллиметра.

Он замер.

— Отлично...

Дверь открылась.

Она вошла без стука.

Остановилась.

Посмотрела на него.

Потом на доску.

Потом снова на него.

— Ты не спал.

— Сон не поможет.

Она подошла ближе.

— Что ты нашёл?

Он указал на фотографию.

— Смотри сюда.

Она наклонилась.

Долго.

Слишком долго.

Потом чуть отдёргнулась.

Почти незаметно.

— Это артефакт, — сказала она.

— Нет.

— Тогда что?

— Это след.

— От чего?

Он усмехнулся.

— Вот это хороший вопрос.

Она выпрямилась.

Скрестила руки.

— Ты опять уходишь в абстракцию.

— Потому что конкретика не работает.

— Или потому что ты не можешь её сформулировать.

Он посмотрел на неё.

— Я видел вчера одну вещь.

— Какую?

Пауза.

— Лишнее присутствие.

Она усмехнулась, но без уверенности.

— Серьёзно?

— Нет, я решил развлечься.

— Ты сам слышишь, как это звучит?

— Да.

— И тебя это устраивает?

— Меня ничего не устраивает.

Лампа над ними моргнула.

Один раз.

Они оба посмотрели вверх.

Синхронно.

Пауза стала плотнее.

— Ты это тоже заметила? — спросил он.

— Да.

— Отлично.

Он взял куртку.

— Едем.

— Куда?

— Обратно.

— Зачем?

— Потому что здесь мы ничего не поймём.

Она не возразила.

Дорога прошла быстрее, чем должна была.

Или ему так показалось.

Машина завелась не с первого раза.

Двигатель на секунду захрипел.

Он отметил это.

Не придавая значения.

Но отмечая.

Они остановились у дома.

Дверь подъезда была открыта.

Без домофона.

Без звука.

— Ты это видишь? — спросила она.

— Да.

— Это нормально?

— Нет.

Они вошли.

Запах был сильнее.

Но не просто сильнее.

Глубже.

Как будто он не в носу.

А в памяти.

Он на секунду потерял фокус.

Перед глазами мелькнуло что-то чужое.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Нет.

— Отлично, — тихо сказала она.

Они начали подниматься.

На втором этаже лампа горела стабильно.

Слишком стабильно.

Он остановился у окна.

— Здесь, — сказал он.

— Что?

— Я видел вчера.

Он коснулся стекла.

Резко отдёрнул руку.

— Холодно?

— Нет.

Пауза.

— Слишком холодно.

За спиной тихо щёлкнуло.

Он обернулся.

Она стояла дальше, чем секунду назад.

— Ты отошла?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

Он кивнул.

Медленно.

— Хорошо.

Они поднялись на третий этаж.

Дверь квартиры была опечатана.

Но лента выглядела иначе.

— Её трогали? — спросила она.

— Не должны были.

Он достал ключ.

Вставил в замок.

В этот момент внутри что-то прозвучало.

Коротко.

Как шаг.

Они оба замерли.

— Ты слышала? — спросил он.

— Да.

— Отлично.

Он повернул ключ.

Дверь открылась.

Запах изменился.

Стал... направленным.

Они вошли.

Квартира была той же.

Но не той же.

Тела уже увезли.

Пустота стала ощутимой.

Он прошёл в гостиную.

Остановился.

— Здесь он лежал, — сказал он.

— Я знаю.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Ты не знаешь.

Пауза.

Он закрыл глаза.

На секунду.

И услышал дыхание.

— Ты это слышишь? — тихо спросил он.

— Да.

— Отлично...

Он открыл глаза.

Воздух перед ним дрогнул.

На долю секунды.

Она тоже это увидела.

— Ты... — начала она.

— Да.

— Это не...

— Я знаю.

Пауза.

И тогда это появилось.

Не форма.

Не фигура.

Искажение.

Как будто пространство потеряло стабильность.

Он сделал шаг вперёд.

— Не двигайся, — сказала она.

— Уже поздно.

В голове прозвучало.

Тихо.

Без интонации.

— не смотри напрямую

Он замер.

— Ты слышал? — спросила она шёпотом.

— Да.

Лампа погасла.

Полностью.

Темнота накрыла.

И теперь это была не просто темнота.

— Закрой глаза, — сказал он.

— Что?

— Закрой.

Она послушалась.

Он тоже.

И в этой темноте он увидел.

Не глазами.

Структуру.

— Ты... видишь? — спросила она.

— Да.

Пауза.

— Это смотрит в ответ, — сказал он.

И впервые в его голосе не было сарказма.

Глава 5

Когда он открыл глаза, темнота уже не была полной. Она расплзлась по комнате слоями, как старый дым, въевшийся в штукатурку, в древесные волокна, в ткань дивана с продавленными подлокотниками, в ковёр с выцветшим орнаментом, где когда-то были бордовые завитки, а теперь осталась только грязноватая геометрия чужой бедности. Свет вернулся не сразу. Сначала появился контур окна, серый и плоский. Потом слабый отсвет с лестничной площадки просочился в прихожую и лёг неровной полосой на линолеум, где узор под мрамор давно стёрся до безликого пятна. Затем ожила лампа в коридоре, но не включилась, а словно передумала быть мёртвой и начала тлеть, как нерв, который забыли перерезать.

Он стоял посреди гостиной, не двигаясь. Воздух был тяжёлым. Не густым, не влажным. Тяжёлым именно в метафизическом, почти оскорбительном смысле, будто само пространство решило навалиться на грудную клетку и проверить, насколько человек вообще заслуживает дыхание. Рядом с ним она медленно выпрямилась, не убирая ладонь от стены. На стене висел дешёвый календарь с котятами, уже перевёрнутый на сентябрь. Один из котят смотрел в объектив с такой идиотской безмятежностью, что это выглядело непристойно.

Она первой нарушила молчание.

— Что ты видел?

Он не сразу ответил. Смотрел на комнату так, будто она могла начать говорить первой. На журнальный столик из тёмного ДСП с круглым пятном от кружки. На вазу с пластиковыми цветами, покрытыми слоем пыли. На кресло, в котором вчера сидел мёртвый мужчина. На торшер в углу с перекошенным абажуром цвета старой кости. На выключенный телевизор, в чёрном экране которого отражались не они, а размытая глубина комнаты.

— Не картинку, - сказал он наконец. - Не лицо. Не фигуру. Скорее принцип.

Она опустила руку.

— Принцип чего?

— Присутствия.

— Это не ответ.

— Это лучшее, что у меня есть.

Она сделала шаг вперёд, осторожно, словно боялась не пола, а того, что может лежать поверх пола, невидимое, но уже занявшее территорию.

— Ты всё время формулируешь так, будто разговариваешь не со мной, а с собственным отчётом.

— Отчёт хотя бы не спорит.

— Отчёт не спасает.

Он коротко усмехнулся, но в усмешке не было жизни.

— Пока мы не знаем от чего именно, спасать рано.

Она посмотрела на него долго, пристально, как смотрят не на человека, а на трещину в стекле, пытаясь понять, где она заканчивается и откуда пошла.

— Ты боишься назвать вещи.

— Нет. Я боюсь назвать их неправильно.

Это было честно, и поэтому ей нечем было ударить в ответ. Она отвернулась. Прошла к кухне, проводя взглядом по деталям, которые обычно ускользают, пока в комнате есть трупы. Теперь тел не было, и мелочи выступили вперёд как свидетели второго порядка. На холодильнике магнит с морем и выцветшей надписью «Анапа». На ручке холодильника висела резинка для денег. На кухонном столе стояла сахарница без крышки, внутри слипшийся сахар, ложка торчит под углом, как застывший жест. На плите эмалированный чайник с потемневшим дном. Рядом пачка печенья, открытая, но закрученная прищепкой, потому что даже посредственность здесь была дисциплинированной.

— Здесь будто ничего не произошло, - сказала она.

Он подошёл к дверному проёму кухни и опёрся плечом о косяк.

— Произошло. Просто не для вещей.

— Красиво.

— Это не красиво. Это мерзко.

Она открыла один из шкафчиков. Тарелки. Кружки. Банка с гречкой. Пакет риса. Аптечка на верхней полке. Всё на месте. Вещи не лгут. Они просто равнодушны.

— Они пили чай, - сказала она. - Сидели как люди. Обычный вечер. Кто-то мог говорить о работе, кто-то о ценах, кто-то про давление, про погоду, про этот поганый сырой сентябрь. Потом что-то вошло в комнату, и всё закончилось так, будто их аккуратно выключили. Тебя не бесит именно это?

— Меня бесит всё.

— Нет. Не всё. Тебя бесит, что это не вписывается в привычное зло.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— А привычное зло тебя бы устроило?

— Устроило бы как рабочая версия. Ревность, деньги, семейная ненависть, психопат. Всё это хотя бы из человеческого материала.

Он перевёл взгляд на стол.

— А тут материал другой.

Она медленно кивнула.

— Да.

Тишина снова села между ними, как третье лицо в разговоре. Из ванной капнула вода. Один раз. Потом ещё. Где-то в трубах прошёл глухой металлический стон, и дом отозвался мелкой вибрацией, будто огромный старый организм перевернулся на другой бок.

Он прошёл обратно в гостиную и остановился там, где вчера лежала женщина. Пол был уже вымыт, но не до конца. В стыке паркета и плинтуса засохла тонкая тёмная нить, почти невидимая. Он присел, провёл пальцем рядом, не каса-

ясь. Кровь была везде одинаковой и никогда не была одинаковой. Она всегда сохраняла сценарий. Убийства лгут в словах, но не в распределении следов.

— Включи фонарик на телефоне, - сказал он.

Она подошла. Свет лёг под углом. В стыке блеснуло что-то ещё. Не кровь. Тонкая, сероватая пыль, будто сгоревшая ткань.

— Ты видишь? - спросил он.

— Да.

— Собери в пакет.

— Думаешь, это что-то даст?

— Думаю, мне надоело, что у этого места больше аргументов, чем у нас.

Она достала пакет для улики, соскоблила немного пыли краем пластиковой карты. Частицы легли внутрь слишком легко, как если бы сами ждали, когда их заберут.

— Похоже на золу, - сказала она.

— Только здесь ничего не горело.

— Может, коротнуло.

— Может. А может, комната решила полинять.

Она посмотрела на него с раздражением.

— Сарказм тебе нужен как костыль.

— И тебе тоже. Просто ты пользуешься другим брендом.

Она фыркнула, но спорить не стала.

Он поднялся и снова оглядел гостиную. Сервант с хрусталём. За стеклом рюмки, вазочки, салатники, которые доста-

ют только на праздники и похороны. На верхней полке фотография в рамке. Море, пластиковые стулья, трое улыбаются в камеру. Он подошёл ближе. Семья. Те же люди, только живые и поэтому чуть менее реальные. Женщина в тёмных очках, старший мужчина с неловко поднятым большим пальцем, младший брат щурится на солнце. За ними выцветший навес с надписью «Пиво. Шашлык. Кукуруза». Мир был не трагичен, а банален. И именно банальность делала насилие глубже, потому что разрывала не миф, а рутину.

— Они ничем не выделялись, - сказала она у него за спиной.

— Это не защита.

— Я знаю.

— Наоборот. Это удобнее.

— Для кого?

Он на секунду задумался.

— Для того, кто выбирает не людей, а свойства.

— Свойства?

— Трещины. Привычки. Внутренние полости. Места, где человек уже не совсем собран.

Она обошла его и встала у серванта, глядя на фотографию.

— Ты говоришь так, будто это не первое такое дело.

— Нет. Первое.

— Тогда откуда такая уверенность?

Он повернулся к ней.

— Потому что есть вещи, которые узнаёшь не по опыту. По форме.

Она замолчала, потом очень тихо спросила:

— И откуда у тебя форма?

Он не ответил. Не потому что скрывал. Потому что сам не знал. Иногда знание приходит не как вывод, а как инородный фрагмент, уже встроенный в голову. Это раздражает сильнее всего. Чужие мысли, маскирующиеся под интуицию.

Они прошли в спальню. Здесь было теснее. Шкаф с зеркальными дверцами, на одной трещина в углу. Кровать застелена покрывалом с цветочным рисунком. Две подушки рядом, продавленные одинаково. На тумбочке лампа с жёлтым абажуром, флакон дешёвых духов, таблетки от давления, пачка салфеток, книга с загнутым углом, любовный роман в мягкой обложке с женщиной в красном платье и мужчиной с таким лицом, будто у него никогда не было кишечника и совести одновременно. На полу домашние тапки. Параллельно друг другу. Как будто человек снял их не машинально, а аккуратно, соблюдая геометрию собственного существования.

Он открыл шкаф. Одежда. Пальто в чехле. Несколько платьев. Мужские рубашки. Коробка с нитками. Пакет с квитанциями. На верхней полке плед и старая обувная коробка.

— Достань, - сказала она.

Он взял коробку. Внутри фотографии, документы, открытки, несколько детских рисунков. Один рисунок был

странный. Дом, дерево, солнце, всё как положено, но рядом с домом стояла чёрная вертикальная фигура без лица. Не монстр. Просто штрихованная колонна с длинными руками. Детский рисунок. Бессмысленный, как все детские рисунки, пока вдруг не перестаёт быть бессмысленным.

— Чей это? - спросила она.

Он перевернул лист. Сзади дата. Двенадцать лет назад. И подпись, неровная, детская: «Дядя в коридоре».

Они переглянулись.

— У них были дети? - спросила она.

— Нет. Насколько я знаю.

— Тогда чей рисунок?

— Племянник, соседский ребёнок, кто угодно.

— Или не кто угодно.

Он положил рисунок обратно, но запомнил его слишком хорошо. Чёрная фигура у дома. Без лица. Без деталей. Только вертикаль, которая уже тогда знала, как стоять рядом и не объясняться.

В прихожей послышался тихий удар. Как будто что-то лёгкое сдвинулось и коснулось стены.

Они оба вышли мгновенно.

Ничего.

Только вешалка. Старая деревянная вешалка с тремя крючками. На одном висела мужская куртка, которую вчера тут не оставляли. Он был уверен. Не абсолютно. Но достаточно для внутренней тревоги.

— Это было здесь? - спросила она.

— Нет.

— Ты уверен?

— Да.

Он подошёл ближе. Куртка дешёвая, чёрная, с потёртым воротником. Не новая. На рукаве след от мела или штука-турки. Карманы пустые. Молния заедает.

— Может, криминалисты забыли? - сказала она, но голос уже не держал линию рациональности так уверенно.

— Криминалисты не вешают забытые вещи аккуратно на крючок.

Он снял куртку. Под ней на стене, на старых полосатых обоях, было пятно. Не влажное. Не грязное. Тёмное, вертикальное, будто кто-то долго стоял, прислонившись затылком и плечами, но вместо следов тела осталась лишь серая тень. Он протянул руку и не коснулся.

— Фотографируй, - сказал он.

Она подняла телефон.

Вспышка не сработала.

Экран мигнул и погас.

— Чёрт.

— Ещё раз.

Она нажала. Ничего.

Он достал свой. Та же история. Заряд был, связь была, камера открывалась, но при наведении на пятно изображение рябило, искажалось, рассыпалось на цифровой шум.

— Ну да, конечно, - сказал он. - Было бы слишком щедро, если бы оно ещё и на фото нормально выходило.

— Ты сейчас серьёзно сказал «оно»?

— А ты сейчас серьёзно заметила именно это?

Она убрала телефон. Несколько секунд они молчали, глядя на пятно, как на внезапно открывшуюся грамматическую ошибку в реальности.

Потом она тихо сказала:

— Я не хочу это признавать.

— Это не обязательная процедура.

— Я не про признание. Я про последствия.

Он посмотрел на неё.

— Ты уже думаешь о последствиях?

— А ты нет?

— Думаю.

— И?

Он перевёл взгляд на пятно.

— И мне не нравится, что оно стало смелее.

Она нахмурилась.

— Почему ты думаешь, что стало?

— Потому что вчера оно пряталось за ощущениями. Сегодня вешает куртки и оставляет следы.

— Ты говоришь так, будто его оскорбило наше присутствие.

— Возможно.

— Это абсурд.

— Всё происходящее абсурд. Вопрос только в том, хочет ли абсурд, чтобы мы это заметили.

Её передёрнуло. Не от страха даже. От интеллектуального отвращения. Мир обычно ужасен в пределах причинно-следственной структуры. Когда сама структура начинает вести себя как подделка, мерзость становится глубже.

Они вернулись в гостиную. Снаружи, во дворе, проехала машина. Звук был глухим, как сквозь толстую воду. Он подошёл к окну. Во дворе женщина в синем халате выбивала коврик. Ребёнок в жёлтой шапке катил самокат по мокрому асфальту. Пожилой мужчина выносил пакет с мусором. Обычный двор. Обычный город. Обычные люди. Реальность снаружи старательно делала вид, что внутри квартиры ничего не изменилось. Эта двойственность бесила почти физически.

— Знаешь, что самое отвратительное? - спросила она.

— Выбор большой. Уточни.

— То, что снаружи всё идёт дальше. Никто не чувствует разлом. Ни запаха. Ни тишины. Ни этого давления. Как будто зло может существовать локально, и миру наплевать.

Он смотрел на двор.

— Миру всегда наплевать.

— Это слишком удобный цинизм.

— Нет. Это просто статистика.

Она подошла к нему и встала рядом у окна.

— Ты прячешься за холодностью, потому что боишься,

что если дашь этому человеческое имя, оно пролезет глубже.

Он повернул голову.

— А ты прячешься за анализом, потому что если дашь этому нечеловеческое имя, у тебя не останется профессии.

Это попало точно. Она скривилась, но не от злости. От узнавания.

— Ладно, - сказала она. - Допустим. Тогда давай без красивых позиций. Что ты реально думаешь?

Он ответил не сразу. Смотрел на стекло, на слабое собственное отражение.

— Я думаю, что здесь было не просто убийство. Я думаю, что кто-то или что-то входило в контакт. Не с телами. С восприятием. И когда контакт завершился, тела уже были побочным продуктом.

— То есть умерли не потому, что их убили?

— Убили. Физически тоже. Горло, шея, кровь, всё очень материально. Но первичная атака была не по мясу.

— По чему тогда?

Он сжал челюсть.

— По структуре личности. По внутренней связности. Как будто человека сначала разъединяют внутри, а потом остальное уже технический вопрос.

Она долго молчала.

— Это звучит безумно.

— Да.

— Но я тоже об этом думала.

Он посмотрел на неё.

— Когда?

— После того, как ты сказал про порядок. Я пересматривала фото ночью. Смотрела на позы. Они не как после борьбы. Они как после... подчинения. Но не внешнего. Как будто каждый в какой-то момент согласился лечь туда, где его потом нашли. И это самое мерзкое.

— Потому что согласие хуже насилия?

— Потому что согласие не их.

Он кивнул.

— Да.

Она отошла от окна, провела рукой по столу, где стояли чашки. В одной на дне ещё был тонкий круг налёта. В другой засохшая чайная капля на ручке. В третьей тёмная полоска, где заварка коснулась фарфора и застыла. Такие вещи всегда переживают людей с оскорбительной стойкостью.

— Давай реконструкцию, - сказала она. - Не официальную. Честную.

— Давай.

Он подошёл к столу.

— Они сидят здесь. Вечер. Обычный разговор. Кто-то ставит чайник, кто-то режет лимон. Возможно, телевизор бубнит на фоне. Может, новости. Может, сериал. Кто-то жалуется на работу. Кто-то на давление. Квартира уже живёт своей уставшей рутиной.

— И потом?

— Потом появляется что-то. Не обязательно буквально входит через дверь. Возможно, оно уже было здесь.

— Вещью?

— Местом. Следом. Привязкой. Чем угодно.

— Слишком широко.

— Потому что вариантов больше, чем мне нравится.

Она кивнула.

— Хорошо. Что оно делает?

— Сначала вмешивается в внимание. Сдвигает фокус. Человек перестаёт опираться на обычные связи. Комната как будто та же, но уже нет. Потом идёт давление. Тревога. Странность. Не вспышка. Медленное смещение. Чтобы никто не вскочил сразу и не разбил сценарий.

— А если кто-то сопротивляется?

Он посмотрел на кресло.

— Возможно, старший сопротивлялся первым. Поэтому его глаза такие.

— Увидел?

— Да. Или почти увидел.

— И за это получил горло?

— Возможно, горло уже было после. Как финальная фиксация.

Она медленно села в то самое кресло, не замечая или игнорируя символику.

— А женщина?

— Женщина могла пытаться удержать реальность дольше

остальных. По мелочам. За стол, за посуду, за привычку. Такие люди часто держатся не за истину, а за бытовой порядок.

— Красиво формулируешь ужас.

— Это моя единственная полезная вредная привычка.

— А брат?

Он посмотрел на пустое место у стены.

— Брат мог быть самым уязвимым. Не потому что слабый.

Потому что не укоренённый. Такие трещат первыми.

Она провела пальцем по подлокотнику кресла.

— Ты заметил, как мы уже обсуждаем это так, будто речь о погодном явлении? Не о человеке, а о процессе.

— Потому что процесс честнее.

— Нет. Потому что иначе придётся признать, что три человека были не просто убиты, а использованы.

Это слово повисло между ними с неприятной точностью.

— Да, - сказал он. - Использованы.

Из коридора снова донёсся звук. На этот раз яснее. Тихий шорох ткани.

Они встали одновременно.

Куртка снова висела на крючке. Хотя он держал её в руках минуту назад. Он точно помнил фактуру ткани в пальцах, запах сигарет и сырого подъезда от воротника. Но теперь его ладони были пусты.

— Это уже не смешно, - сказала она.

— А раньше было?

— Ты понял.

Он подошёл к вешалке очень медленно. Не из осторожности. Из злости. Когда реальность начинает играть в дешёвые фокусы, злость помогает не распасться.

Он рывком сорвал куртку.

Под ней, на обоях, теперь было не просто пятно.

Слова.

Тонкие, кривые, сероватые, будто написанные сажей или мокрой пылью.

«Он смотрел дольше»

Несколько секунд никто не двигался.

Она первой выдохнула.

— Я это вижу?

— К сожалению.

— Это невозможно.

— Сегодня у невозможного плотный график.

Он протянул руку, коснулся надписи костяшкой пальца. Поверхность сухая. Ничего не размазывается. Но под прикосновением буквы чуть дрогнули, как если бы были не на стене, а под её верхним слоем.

Он резко убрал руку.

— Не трогай, - сказала она.

— Уже поздно.

— Что значит «он смотрел дольше»?

Он медленно повернулся к ней.

— Значит, тот мужчина увидел больше остальных.

— И его убили первым?

— Или именно поэтому его и пришлось добивать так.

Она смотрела на надпись и будто не могла решить, что вызывает большее отвращение: факт её существования или то, что она адресована им. Потому что это уже не след. Это коммуникация. А коммуникация предполагает не просто присутствие, а намерение.

— Нас видят, - сказала она тихо.

— Да.

— И разговаривают.

— Похоже.

— Зачем?

Он посмотрел на серые буквы.

— Потому что мы ответили.

— Чем?

— Вниманием.

Она закрыла глаза на секунду, потом открыла.

— Если ты сейчас прав, то мы делаем хуже каждым следующим шагом.

— Вероятно.

— И всё равно продолжим?

Он усмехнулся очень сухо.

— Ты предлагала уйти?

— Нет.

— Ну вот.

Она подошла ближе к надписи, но не слишком близко.

— У меня идиотская мысль.

— Последние сутки это уже не оскорбление.

— А что, если эти записи не угроза? Что, если это инструкция?

— «Не смотри слишком долго» и «он смотрел дольше»?

— Да. Как будто правило.

Он задумался.

— Тогда мы уже его нарушили.

— Ты нарушил.

— Мы были в одной комнате.

— Не переводи коллективную ответственность туда, где можно обвинить себя лично, это дурной вкус.

Он посмотрел на неё и неожиданно почти улыбнулся.

— Наконец-то узнаю тебя.

Она тоже едва заметно смягчилась.

— Меня сильно бодрит чужая inferнальная наглость.

— Меня тоже. Но бодрость тут плохой союзник.

Он достал блокнот. Настоящий бумажный, с загнутым углом и следами кофе на обложке. Некоторые вещи он не доверял электронике, особенно теперь.

— Давай без истерики, - сказал он. - Фиксируем факты. Голос в голове. Отключение света. Искажение пространства. Самопроизвольное перемещение предмета. Текст на стене. Проблемы с камерой. Пепел или зола у плинтуса. Детский рисунок в коробке. Слишком аккуратное распределение тел. Отсутствие внешнего входа на камерах.

Она слушала и медленно кивала.

— И главное, - добавила она, - контакт идёт через внимание. Через взгляд, через фиксацию, через наблюдение.

— Да.

— Тогда вопрос не «что это», а «как оно работает».

Он посмотрел на неё с интересом.

— Продолжай.

— Любая хищная система должна иметь ограничение. Иначе не было бы всей этой постепенности. Если оно не может просто войти и порвать человека сразу, значит, ему нужно нечто от самого человека. Допуск. Сцепка. Канал.

— Ты сейчас описываешь паразита.

— А ты хотел аристократа?

Он усмехнулся.

— Нет. Просто уточняю модель.

Она подошла к столу, взяла одну из чашек, повертела в пальцах.

— Допустим, оно не убивает напрямую. Допустим, оно смещает внутреннюю опору, заставляет человека смотреть туда, где связи рвутся. Если он смотрит слишком долго, он становится восприимчив. Его реальность перестаёт держаться сама на себе. Тогда дальше можно делать что угодно.

— И почему не всех одинаково?

— Потому что люди не одинаково собраны.

Он смотрел на неё внимательно.

— Ты быстро адаптировалась.

— Нет. Я просто очень не люблю проигрывать без теории.

Это было почти восхитительно. Почти. Если забыть, что они строят теорию не для науки, а чтобы не сойти с ума в квартире, где стены начали переписываться.

Он прошёл в ванную. Маленькое помещение с зелёной плиткой, местами пожелтевшей у швов. Зеркало с чёрными точками по краям. Пластиковый стаканчик с зубными щётками. Обмылок в мыльнице. На стиральной машине тазик. На полотенцесушителе махровое полотенце, уже влажное и пахнущее металлической водой. На бортике ванны бритвенный станок и женская заколка.

Такие комнаты всегда кажутся невинными. Невинность ванной вообще отдельная ложь. Именно там человек чаще всего бывает один, без защиты, без роли, без свидетеля. Он открыл шкафчик над раковиной. Перекись, бинт, йод, крем для суставов, пузырёк валерьянки. На внутренней стороне дверцы маленькая записка на липком листке: «Купить соль, молоко, лампочку в коридор».

Он долго смотрел на эту записку.

— Что там? - спросила она из коридора.

— Лампочка в коридор.

— И?

— Ничего.

Но это было не ничего. Люди до последнего живут так, будто следующий день гарантирован. Купить соль. Молоко. Лампочку. Мир держится на микроскопической наглости бытовых планов. И когда этот мир испаряют, самые уни-

зительные следы остаются не в крови, а в списках покупок.

Он закрыл шкафчик и в зеркале увидел не себя полностью. Только часть лица, глаз, щёку, висок. Остальное как будто не поместилось в отражение, хотя расстояние было достаточным. Он замер. Моргнул. Отражение стало нормальным. Но осадок остался.

— У нас есть родственники? - спросила она, когда он вышел.

— Двоюродная сестра в другом городе. И ещё кто-то по линии матери. Почему?

— Мне нужна история дома. Не семьи. Дома.

Он остановился.

— Думаешь, дело не только в них?

— Я думаю, если это привязка, она могла быть раньше них.

— Логично.

— Что, неприятно, когда логика работает не у тебя?

— Меня это бодрит.

— Врёшь.

— Конечно.

Они вышли на лестничную площадку, и воздух снаружи квартиры показался чуть легче, но не настолько, чтобы это можно было считать облегчением. Он закрыл дверь, посмотрел на опечатку, будто та могла сохранить что-то, что уже научилось проходить сквозь более плотные вещи, чем бумага и клей.

На втором этаже, у того самого окна, он снова остановился. Стекло теперь отражало их чётче. Слишком чётко. В отражении они стояли ближе друг к другу, чем в реальности. Он нахмурился, сделал шаг в сторону. Отражение запоздало на долю секунды.

— Не смотри, - сказал он резко.

— Куда?

— В стекло.

Она уже посмотрела. Слишком поздно. Её лицо изменилось. Не сильно. Просто взгляд стал глубже, как у человека, который внезапно увидел не своё отражение, а версию себя, з— нающую что-то лишнее.

Что ты увидела?

Она медленно отвернулась.

— Ничего.

— Врёшь.

Пауза.

— Себя.

— И?

Она посмотрела на него.

— Не меня.

Он не стал уточнять. Потому что уточнение сделало бы это слишком конкретным. А конкретное зло всегда ближе, чем можно выдержать на площадке между вторым и третьим этажом.

Они спустились вниз. Во дворе всё ещё жил свой пошлый

дневной цикл. Голуби, мокрый асфальт, ржавая качеля, детский крик где-то в арке, запах жареного лука из открытого окна на первом этаже. Мир снаружи был отвратительно целым.

У машины она остановилась.

— Ты когда-нибудь сталкивался с чем-то похожим?

Он открыл дверь, но не сел.

— Нет.

— Тогда почему у тебя лицо человека, которому это что-то напоминает?

Он посмотрел на крышу машины, где собирались мелкие капли.

— Потому что есть вещи, которые не должны быть знакомыми, а всё равно узнаются.

— Опять.

— Да, опять.

— Ты сам себя слышишь? Ты либо знаешь больше, либо очень хочешь верить, что знаешь.

— Возможно, обе версии меня не радуют одинаково.

Она оперлась локтем о крышу.

— Ладно. Тогда честно. Что ты почувствовал, когда оно стало... говорить?

Он ответил не сразу.

— Не страх.

— А что?

— Оскорбление.

Она приподняла бровь.

— Серьёзно?

— Да. Страх был бы логичен. А я почувствовал, будто кто-то вторгся не просто в пространство, а в право интерпретировать происходящее. Будто меня отодвинули от собственного взгляда.

Она слушала внимательно.

— То есть тебя задело, что кто-то навязывает тебе оптику.

— Да.

— Это очень профессиональная форма высокомерия.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я и не подумал.

Она слабо усмехнулась, потом снова стала серьёзной.

— Меня задело другое.

— Что?

— Что у него, или у этого, вообще есть язык. Не наш, не совсем, но всё же достаточно наш, чтобы обращаться. Это значит, что оно понимает не только людей. Оно понимает, как подбираться к смыслу.

Он кивнул.

— Да. И это уже не хаотическая аномалия.

— А что?

— Контактная система.

Они сели в машину. Несколько секунд никто не заводил двигатель. В салоне пахло старой тканью, табаком, кофе из

бумажного стакана и дешёвым ароматизатором, который он давно повесил и давно перестал замечать. На панели лежал чек с заправки, ручка без колпачка, флешка, пачка мятных таблеток. Нормальные вещи. Мелкий мусор обыденности. Он смотрел на них с почти болезненной благодарностью.

— Нам нужен домовый архив, - сказала она. - Жильцы, история квартиры, предыдущие владельцы, смерти, вызовы, психушка, самоубийства, всё.

— Да.

— И ещё мне нужен тот рисунок.

— Заберём официально позже.

— Нет. Сейчас.

Он повернул голову.

— Ты хочешь вынести детский рисунок из опечатанной квартиры без протокола?

— А ты хочешь делать вид, что у нас стандартная процедура?

Он смотрел на неё секунду, две.

— Всё больше нравишься себе в кризисе?

— Нет. Просто я быстро теряю иллюзии.

Он завёл двигатель. Машина отозвалась охотнее, чем утром.

— Возвращаемся, - сказал он.

— Конечно возвращаемся.

— И не смотри в стекло.

— Уже поздно.

— Да, я заметил.

Они снова поднялись. Дверь, коридор, запах, тишина. Теперь квартира встречала их почти буднично, и в этой будничности было что-то особенно мерзкое, как в человеке, который после первой пощёчины начинает разговаривать с тобой мягче.

Он прошёл в спальню, открыл шкаф, достал коробку. Рисунок лежал сверху, будто ждал. На обороте, под детской подписью, проступило ещё кое-что. Раньше этого не было. Карандашные вдавленные линии, заметные только под козым светом. Он повернул лист.

Там было написано: «Он не из коридора. Он из-за глаз».

Они молчали.

Потом она очень тихо сказала:

— Детям иногда удаётся описать то, на что взрослые уже не смотрят.

— Или то, что взрослые слишком хорошо научились не замечать.

Он взял рисунок двумя пальцами, как будто бумага могла укусить.

— Это уже не совпадение.

— А у нас ещё оставалась версия совпадения?

— Я люблю хоронить версии с почестями.

Она вдруг провела ладонью по лицу, устало, зло.

— Мне не нравится один вывод.

— Какой?

— Если оно связано со взглядом, то все жертвы, возможно, умирали дважды.

— Поясни.

— Сначала изнутри. Когда переставали доверять собственному восприятию. А потом телом. И второе уже просто закрепление.

Он кивнул.

— Да. Похоже.

— Это ужаснее, чем просто расправа. Человека сначала разоружают против мира, а потом против себя.

— Да.

Она посмотрела на рисунок.

— И дети это видят иначе. Не как теорию. Как фигуру. Как дядю в коридоре.

Он сунул рисунок в папку для улики.

— Тогда нам нужен ребёнок.

— Не этот. Двенадцать лет прошло.

— Любой, кто жил рядом тогда.

— Соседи.

— Да.

Когда они вышли из спальни, в гостиной телевизор был включён.

Без звука.

Старый новостной канал. Диктор шевелил губами с профессиональной катастрофичностью, внизу шла бегущая строка, но слова были искажены, буквы менялись местами,

расползались, собирались в бессмысленные или слишком осмысленные комбинации. Он взял пульт со стола. Батарейки были вынуты.

— Конечно, - сказал он.

Она стояла чуть сзади.

— Не выключается?

Он нажал кнопку на корпусе телевизора. Экран моргнул, но остался включён. Диктор вдруг повернул голову не к камере, а чуть в сторону, как если бы смотрел не в студии, а сюда, в эту комнату, поверх расстояния, эфира и здравого смысла.

Бегущая строка на секунду собралась в фразу: «Не ищите лицо».

Экран погас сам.

Они оба долго смотрели в чёрную поверхность.

Потом она произнесла с той самой сухой ясностью, которая появляется у людей на границе паники и интеллекта:

— Оно обучает.

Он положил пульт обратно.

— Или дрессирует.

— Нас?

— Пока не знаю.

— А если ему нужно не убить, а научить смотреть правильно?

Он повернулся к ней.

— Для чего?

— Чтобы сделать нас проводниками.

Это слово ударило неприятно точно.

— Тогда оно выбрало плохую аудиторию.

— Ты так уверен?

Он не ответил. Потому что уверенность в таких обстоятельствах становится разновидностью суеверия.

Они вышли из квартиры окончательно только через двадцать минут. Проверили всё, что могли проверить без признания собственного безумия. Взяли рисунок, собрали золу, записали надпись, хотя сфотографировать так и не смогли. На лестнице он всё-таки невольно глянул в оконное стекло и увидел только себя. Усталого, небритого, злого. Но у этого отражения были слишком неподвижные глаза. Он отвернулся раньше, чем успел понять, моргнуло оно вместе с ним или нет.

Уже внизу, у выхода, пожилая соседка, та самая с третьего этажа, открыла дверь своей квартиры и выглянула в подъезд. На ней был ситцевый халат, на ногах шерстяные носки без тапок, лицо серое, будто ночь не прошла мимо и по ней тоже.

— Вы опять к ним? - спросила она.

— Да, - ответила она вместо него. - Вы жили здесь давно?

— Всю жизнь почти.

— В этой квартире до них кто жил?

Старуха посмотрела на них странно. Не испуганно. Устало. Как человек, который много лет молчал не потому, что нечего сказать, а потому, что никому не нужно.

— До них мужчина жил. Один. Тихий.

— Какой мужчина? - спросил детектив.

— Учитель вроде. Или библиотекарь. Всё с книгами ходил. Худой такой. Вежливый. Потом повесился.

Он почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло.

— Когда?

— Лет... не помню. Давно. Лет двенадцать, может, тринадцать.

Они переглянулись.

— У него были дети? Родственники? - спросила она.

— Нет вроде. Один жил. Только племянник к нему приезжал иногда. Мальчишка. Рисовал всё время.

Пауза повисла настолько плотная, что даже старуха заметила.

— Что ещё? - спросил он.

Она пожала плечами.

— Да ничего. Только после него долго квартира пустая стояла. Не шла людям. То съедут, то ругаются, то пить начинают, то болеют. Потом эти въехали. Я ещё подумала, зря.

— Почему зря?

Старуха посмотрела на него прямо.

— Потому что там смотреть не надо долго.

Мир на секунду стал уже.

— Что вы сказали?

— В глазок, - ответила она так, будто речь о погоде. - Ночью. Если кто-то стоит на площадке, не надо долго смотреть.

А то кажется потом всякое.

Он не сразу смог ответить.

— Вам кто это сказал?

— Ещё мать моя говорила. Здесь раньше тоже странности были. Дом старый. Люди дурные. Мало ли.

Она уже собиралась закрыть дверь, когда вдруг добавила, почти шёпотом:

— Только это не в глазке начинается. Это потом уже в глазке.

Дверь закрылась.

Они остались в подъезде, среди запаха варёной капусты, сырости и старой краски, и всё это вдруг стало не бытовым фоном, а оболочкой для чего-то, что жило здесь дольше жильцов, дольше ремонтов, дольше нормальных объяснений.

Он медленно выдохнул.

— Библиотекарь, - сказала она.

— Или учитель.

— Племянник, который рисовал.

— Да.

— Двенадцать лет назад.

— Да.

Она посмотрела вверх, на лестничный пролёт, где серел дневной свет.

— Значит, это не про них. Они просто попали в уже готовую геометрию.

— Возможно.

— И это место ждало.

Он кивнул.

— Да.

Они вышли наружу. Воздух был холоднее. Во дворе зажглись окна, хотя было ещё не совсем темно. Ранняя осень всегда так делает: не вечер, а предварительное предупреждение о нём. На качеле скрипнула цепь. Где-то хлопнула дверь машины. Кошка перебежала под лавкой, почти не касаясь земли.

Она стояла рядом, глядя на дом, и в её профиле была та жесткая сосредоточенность, которая возникает, когда человек наконец перестаёт спорить с фактом кошмара и начинает спорить с его механизмом.

— Ты понимаешь, - сказала она, - что если это место, то мы имеем дело не с убийцей, а с системой отбора.

— Да.

— И если система работает через взгляд, внимание, фиксацию, то мы уже внутри её логики.

— Да.

— И чем больше смотрим, тем глубже входим.

Он посмотрел на окна.

— Да.

— И всё равно мы продолжим.

Он ответил без паузы.

— Да.

Она чуть повернула голову к нему.

— Почему?

Он долго молчал. Смотрел, как в одном из окон за шторой проходит чья-то тень. Обычная человеческая тень. Или хорошо притворяющаяся.

— Потому что если у зла есть метод, у него должна быть ошибка, - сказал он наконец. - А если есть ошибка, её можно найти. И потому что три человека уже легли в эту геометрию. Я не дам ей стать просто ещё одним адресом в папке.

Она слушала молча.

Он добавил тише:

— И ещё потому, что оно уже обратилось ко мне. А я плохо переношу фамильярность.

На этот раз она усмехнулась по-настоящему, хоть и мрачно.

— Вот теперь ты снова похож на себя.

— К сожалению.

Они сели в машину. Над городом медленно сгушался вечер, и в этих сумерках дома выглядели не как здания, а как многокамерные органы, внутри которых что-то дышит, спит, ждёт и иногда смотрит слишком долго. И впервые за всё время он подумал не о том, что найдёт объяснение, а о том, выдержит ли момент, когда объяснение посмотрит в ответ не через стену, не через стекло, не через голос, а напрямую. Эта мысль была неприятной. Но честной. А честность, как он давно заметил, редко приходит без запаха металла.

Глава 6

Архив городского жилфонда располагался в здании, которое выглядело так, будто его проектировали люди, глубоко ненавидящие и архитектуру, и солнечный свет, и идею человеческого присутствия как такового. Серый фасад с выцветшими прямоугольниками бывших вывесок, металлическая дверь с доводчиком, который не закрывал, а скорее добивал створку, ступени с выщербленными краями, у самого входа урна, переполненная окурками, мокрыми квитанциями и рекламой юридических услуг для тех, кто слишком поздно понял, что имущество не любит двусмысленностей. Внутри пахло архивной пылью, разогретой проводкой, картонными папками и тем особым чиновничьим тленом, который не разлагается, а консервирует всё вокруг в состоянии вялой неприязни к жизни.

Он вошёл первым. Она следом, чуть задержавшись у турникета, где дежурный охранник лет шестидесяти сидел под мутным пластиковым щитом и смотрел в телевизор без звука. По экрану бежал дневной ток-шоуный мусор, и люди в студии отчаянно жестикулировали о чём-то столь же бессмысленном, сколь и вечном. У охранника на столе стояла кружка с растворимым кофе, разрезанный пополам батончик и раскрытый журнал кроссвордов с уже вписанными словами «корысть», «остов» и «глина». Он поднял на

них глаза с ленивой подозрительностью человека, который не ждёт ничего хорошего, но мелко надеется на событие, способное разнообразить смену.

— По какому вопросу?

Она показала удостоверение.

— Архив по дому на Лесной, двадцать три. Нужны карточки жильцов и история квартиры.

Охранник перевёл взгляд на удостоверение, потом на неё, потом на него, и в этой короткой траектории было всё: привычка к мелкому сопротивлению, жажда формальной власти и понимание, что перед ним не люди, которых можно завернуть одной интонацией.

— На второй этаж. Третий кабинет налево. Но у них обед через десять минут.

— Значит, будем успевать, - сказал он.

Охранник недовольно дёрнул щекой. Ему явно хотелось, чтобы они не успели. Человеку такого типа приятно, когда любой процесс портится о тупой бытовой регламент.

Лестница на второй этаж была широкой, с истёртым серым камнем посередине ступеней и перилами, на которых десятилетиями оседал человеческий пот, пыль, чужие ладони, жир, усталость и административная меланхолия. На стенах висели стенды с непонятной полезностью: «Порядок обращения граждан», «Пожарная безопасность», «Профилактика мошенничества». Фотографии счастливых пенсионеров, улыбающихся в объектив, выглядели так, будто их

шантажировали обещанием несуществующих льгот.

Третий кабинет налево оказался комнатой, где пыль была не следствием времени, а управленческой философией. Высокие стеллажи, металлические шкафы, бледно-зелёные стены, древний кондиционер под потолком, который гудел так, будто его внутренности перемалывали себя из уважения к трудовой дисциплине. За столом сидела женщина с короткой стрижкой, тёмными бровями, тяжёлой челюстью и тем выражением лица, которое вырабатывается у людей, всю жизнь имеющих дело с чужими документами и чужими ошибками. На подоконнике у неё стоял цветок в пластиковом горшке, почти мёртвый, но всё ещё не готовый признать поражение. Рядом лежала пачка синих папок, контейнер с остывшей котлетой и ложка, завёрнутая в салфетку.

Она подняла глаза.

— Да?

Она снова показала удостоверение и коротко объяснила запрос. Женщина слушала без энтузиазма, постукивая ногтем по краю папки.

— Основание?

— Расследование, - ответила она.

— Номер дела?

Она назвала. Женщина записала. Поднялась, тяжело вздохнув, как будто именно сейчас государство окончательно переложило на неё всю тяжесть собственной неэффективности.

— Дом старый, карты могут быть не в цифре. Ждите.

Она ушла вглубь помещения, между шкафами, где в полумраке тянулись корешки папок, почерневшие шнурки завязок, бумажные ярлыки, давно утратившие прямоугольность. Он осмотрел комнату. На стене висели часы, которые отставали на одиннадцать минут. На шкафу стояла банка с засохшими ручками и пластиковый ангел без одного крыла. На столе рядом с клавиатурой лежал яблочный огрызок на блюде с золотой каёмкой. Из приоткрытого окна тянуло мокрым асфальтом, автобусным выхлопом и далёким запахом выпечки. Этот запах раздражал сильнее, чем следовало. Жизнь, как всегда, продолжала нелепо существовать в соседних слоях.

— Ты заметил, - тихо сказала она, - что после той квартиры обычные учреждения начинают казаться декорацией?

— Нет. Они и раньше были декорацией.

— Я сейчас не про циничный афоризм.

Он провёл пальцем по краю металлического шкафа и показал ей серую полосу пыли на подушечке пальца.

— Я тоже.

Она коротко взглянула на него и ничего не ответила. Иногда он говорил что-то почти человеческое, а потом сразу же прятал это в сухую интонацию, как нож под салфетку.

Женщина вернулась с двумя папками и одной картонной коробкой, перевязанной шнурком.

— Квартира тридцать семь. Домовая книга. Карточка тех-

нических осмотров. Жалобы жильцов. И ещё у нас есть старый журнал вызовов аварийки, если вам вдруг нужен музейный хоррор.

Он посмотрел на неё.

— Может понадобится.

— Я так и поняла по вашим лицам.

Она села, раскрыла домовую книгу и начала листать пальцем, быстро, привычно. Бумага шуршала сухо, как осыпающийся гипс.

— Значит так. До девяносто восьмого квартира числилась за супругами Волковыми. Потом приватизация, потом продажа. Дальше был мужчина... секундочку... Роман Сергеевич Авдеев. Год рождения шестьдесят восьмой. Одинокое проживающий. Зарегистрирован с две тысячи десятого по две тысячи четырнадцатый. Основание снятия с регистрационного учёта... смерть.

Он и она переглянулись.

— Причина смерти указана? - спросил он.

— Нет, у нас не морг. У нас учёт.

— А по жалобам что-нибудь есть?

Женщина открыла другую папку. Под её ногтями блеснул прозрачный лак, уже облупившийся по краям. Она листала без спешки, но и без желания вовлекаться. Для неё это были не трагедии, а пыльные эпизоды чьего-то бытового провала.

— В период проживания Авдеева... так... есть жалобы соседей на шум в ночное время, но не музыка. Цитирую: «хож-

дение по площадке», «стук в дверь без обнаружения лиц», «перепады напряжения», «запах гари без возгорания».

Она подняла на них глаза.

— У вас интересный дом.

— У нас интересная страна, - сухо ответил он. - А по конкретной квартире?

— Был вызов электрика. Несколько раз. Замена лампы на площадке. Проверка проводки. Замечаний не выявлено. Потом жалоба от Авдеева о том, что «соседи смотрят в глазок по ночам и стоят без движения». Подчёркнуто красной ручкой.

Она протянула папку. На листе, в углу, действительно была размашистая красная пометка: «Рекомендована консультация ПНД?» Вопросительный знак выглядел особенно мерзко. Человека уже начали переводить в разряд неудобных галлюцинаций.

Она тихо сказала:

— Классика. Когда реальность начинает вести себя плохо, первой в подозреваемые идёт психика наблюдателя.

— Потому что так дешевле, - ответил он.

Женщина за столом усмехнулась.

— Это не архивный комментарий, но в целом да.

Он пролистал дальше. Среди аккуратных формуляров, актов осмотров и корявых заявлений жильцов лежал лист, сложенный пополам, уже пожелтевший на сгибах. Бумага была другого качества, старше, чуть толще.

— Что это?

— Приложение без индекса, - сказала женщина. - Иногда подшивают всё подряд, если никто не хочет брать на себя ответственность выбрасывать.

Он развернул лист. Это была копия объяснительной. На печатанный текст, внизу подпись от руки.

«Я, Авдеев Роман Сергеевич, прошу принять меры в связи с регулярным присутствием неизвестного лица на лестничной площадке в ночное время. Лицо не совершает активных действий, однако при наблюдении через дверной глазок сохраняет неподвижное положение длительное время. После нескольких секунд наблюдения изображение в глазке начинает искажаться. Прошу проверить камеры подъезда и составить акт».

Дата. Июль две тысячи двенадцатого.

Он медленно положил лист на стол.

— Камеры тогда были?

Женщина кивнула.

— Были. Дом попал в пилотную программу. Но архив видео уже не хранится.

— Акт по проверке есть?

— Сейчас посмотрю.

Она встала, опять ушла вглубь. Пока её не было, он не сводил глаз с подписи Авдеева. Почерк был резкий, угловатый, будто человек пытался писать аккуратно, но рука всё время хотела сорваться в более нервную форму.

— Он не просто жаловался, - сказала она. - Он пытался задокументировать.

— Да.

— Значит, он уже был в фазе, когда человек ещё верит, что бюрократия способна остановить inferнальную дрянь, если правильно заполнить форму.

— Это даже не наивность. Это отчаяние, которое вынуждено пользоваться доступными инструментами.

— Грустно звучит.

— Так и есть.

Она опёрлась ладонью о край стола и чуть наклонилась к листу.

— Смотри на формулировку. «Неизвестное лицо». Он ещё удерживал рациональный язык. Не писал «тень», «существо», «что-то». До последнего заставлял себя быть адекватным.

— Именно поэтому ему никто не поверил.

— Нет, поэтому он сам себе не поверил достаточно долго. Женщина вернулась с ещё одной папкой.

— Акт проверки есть. Двадцать шестое июля. Сотрудник УК, участковый, электрик. Запись: «При осмотре площадки посторонних лиц не обнаружено. Осветительные приборы исправны. Дверной глазок на кв. 37 повреждений не имеет. Гражданину Авдееву рекомендовано обратиться за медицинской консультацией в связи с признаками нервного истощения».

Она прочитала последнюю строчку с таким сухим безразличием, будто это был не диагноз человеческому одиночеству, а норма списания канцелярии.

Он взял папку, пролистал ещё несколько страниц. Дальше были две жалобы соседей на самого Авдеева. Одна писала, что «мужчина стучит в двери после полуночи и спрашивает, не видели ли вы, кто стоит у его двери». Вторая сообщала, что из квартиры «слышны разговоры, хотя он живёт один». Потом шёл протокол выезда скорой. Потом лаконичная запись о смерти. И тишина.

— Мне нужна копия всего, что связано с ним, - сказал он. Женщина посмотрела на часы.

— Ксерокс на этаже сломан. Могу отсканировать и отправить официальным запросом.

— Неофициально быстрее?

Она посмотрела на него тяжёлым, опытным взглядом.

— Неофициально у меня обед через три минуты.

Она полезла в ящик стола, достала телефон, старую модель с треснувшим чехлом, и начала фотографировать страницы одну за другой. Делала это без особой скрытности, но с тем видом, с каким люди совершают мелкое нарушение не ради денег и не ради справедливости, а потому что им самим вдруг становится любопытно, чем закончится плохо пахнущая история.

— Диктуйте номер, - сказала она ему.

Он продиктовал. Она отправила снимки.

— И ещё, - сказала она, - у нас в картотеке домов иногда есть старые инженерные планы. Если вам нужна схема площадки или коммуникаций, можете заказать.

— Нужна, - сказала она раньше него. - Всё, что касается второй и третьей площадки, шахты, щитки, старые дверные проёмы, заделанные ниши.

Женщина чуть прищурилась.

— Вы что там ищете, простите?

Он ответил раньше, чем она успела подобрать нейтральную формулировку.

— Ошибку.

Женщина не стала уточнять. Возможно, поняла, что за уточнение не доплачивают.

Пока она оформляла запрос, он открыл коробку с аварийными журналами. Пыль взлетела мелким облаком. На обложке был написан год, уже почти истёртый: 2011-2013. Внутри аккуратные таблицы с адресами, временем вызова, причиной, результатом. Он листал быстро, пока не нашёл нужный адрес.

Лесная, 23.

Август 2011. «Запах гари на лестничной клетке. Источник не установлен».

Ноябрь 2011. «Кратковременное отключение света. Повторных обращений нет».

Июль 2012. «Мигание лампы на 2 этаже. Проводка исправна. Лампа заменена».

Июль 2012, через три дня. «Повторный вызов. Жалоба на стук в электрощитке. Нарушений не обнаружено».

Сентябрь 2012. «Запрос жилья из кв. 37. Температурная аномалия у окна площадки. Источник не установлен».

Он задержал палец на этой строчке.

— Температурная аномалия.

— Рядом с окном, - сказала она, заглянув через плечо. - На втором этаже.

— Да.

— Значит, это место было активным уже тогда.

— Или стало таким раньше и просто оттуда начинало проявляться.

Он пролистал ещё дальше.

Февраль 2013. «Жалоба соседей на звук шагов на площадке ночью. Выход дежурного. Нарушений не выявлено».

Май 2013. «Повторный вызов по причине "кто-то смотрит в дверь". Оснований для выезда не установлено».

Он усмехнулся без радости.

— Даже журналы аварийки в какой-то момент начинают уставать от чужого безумия.

— Или от чужой правды, которую нельзя зафиксировать прибором.

Он закрыл журнал. Женщина за столом протянула им ещё одну папку.

— Это технический план. Неофициально вы его не видели.

Он взял её.

Внутри лежали схемы этажей, планы коммуникаций, обозначения старых ниш, несущих стен, заваренных мусоропроводов, электрических коробов. На листе второго этажа рядом с окном действительно была пометка карандашом, древняя, почти стёртая: «бывш. шкаф связи». Он прищурился.

— Что это?

Женщина заглянула.

— До капремонта там иногда оставались старые технические ниши. Потом заделывали. Но если криво заделали, внутри может быть пустота.

Она тихо сказала:

— То есть за стеной у окна может быть полость.

— Или остаток канала, - ответил он. - Или пустое пространство, которое не должно участвовать в логике подъезда, но всё равно в ней осталось.

Женщина за столом скривилась.

— Вы так говорите, будто пустота может быть активным лицом.

Он перевёл на неё взгляд.

— Иногда да.

Она кашлянула, закрывая разговор резким шуршанием бумаг.

— На этом официально всё. У меня обед.

Они поблагодарили и вышли в коридор. Здесь было прохладнее. Из соседнего кабинета пахло супом из термоса и

копировальной бумагой. Кто-то смеялся слишком громко, и этот смех звучал как оскорбление конкретно сегодняшнему дню.

На лестнице она остановилась и открыла у себя в телефоне присланные фото. Экран подсветил её лицо бледным холодным прямоугольником.

— Авдеев не просто видел. Он пытался удержать процесс в языке документов.

— И проиграл.

— Пока да.

Он спускался медленно, одной рукой скользя по перилам.

— И ещё у нас есть окно. Температурная аномалия. Ниша. Повторяемость жалоб. Двенадцать лет без полноценного разрешения. Дом, который пытался делать вид, что всё это бытовая неврастения.

— И соседка, которая знала правило.

— Да.

— И рисунок с подписью.

— Да.

Она убрала телефон.

— Знаешь, что мне не нравится больше всего?

— Нет, у меня широкий выбор.

— То, что правило звучит как часть среды. Не как чья-то легенда, а как бытовой навык. Не смотреть долго. Как не трогать оголённый провод, не оставлять чайник на плите, не класть мокрую тряпку на батарею. Значит, кто-то жил рядом

с этим достаточно долго, чтобы перестать удивляться и начать адаптироваться.

Он кивнул.

— Адаптация почти всегда хуже ужаса. Она делает его функциональным.

На улице воздух показался чище, чем в архиве, но только по химическому составу. По смыслу всё было хуже. Небо было низким, серым, с рваными просветами, через которые пробивался мёртвый осенний свет. У бордюра стоял белый фургон доставки, у ларька двое курили и спорили о футболе с той серьёзностью, которую люди обычно берегут для войн и разводов. У светофора пищал сигнал для слепых, раздражающе ритмичный, почти издевательски настойчивый. Он поймал себя на том, что прислушивается к любым повторяющимся звукам теперь иначе, будто каждый мог оказаться не сигналом, а маскировкой.

Они сели в машину. Он не завёл сразу. Развернул техплан на руле, прижал ладонью угол, чтобы бумага не сворачивалась.

— Смотри. Вот окно. Вот бывший шкаф связи. Если ниша сохранилась, за стеной есть пустой объём.

— И что это нам даёт?

— Пока только две версии. Либо там физически что-то осталось. Предмет, след, старый кабельный короб, в который упёрлась аномалия. Либо пустота сама стала точкой сцепки.

— Ты говоришь о пустоте так, будто она может накапли-

вать поведение.

— Пространство накапливает всё, если его долго использовать неправильно.

Она посмотрела на него внимательно.

— Откуда у тебя такие фразы?

Он развернул схему чуть сильнее, и бумага хрустнула.

— Не знаю.

— Неправда.

— Правда. Именно это меня и бесит.

Она не нажимала дальше. Иногда лучше не ковырять трещину, пока дом ещё держится.

— Нам нужен доступ к нише, - сказала она.

— Да.

— И желательно без толпы из управляющей компании, участкового и электрика, которые начнут кричать «ничего нет» ещё до того, как снимут крышку.

Он завёл двигатель.

— У меня есть один человек в эксплуатации. Старый, ленивый, коррумпированный в пределах человеческого, но не идиот. Может открыть щиток без лишнего хора.

— Прекрасно. Люблю, когда профессиональная деградация оказывается полезной.

— Ты сегодня особенно нежна.

— Я адаптируюсь.

Он тронулся с места. Машина выехала на проспект, и город, как всегда, начал делать вид, что существует по зако-

нам практичности. Магазины, остановки, женщины с пакетами, мужчины в куртках, мокрые листья, прилипшие к ливнёвкам, подростки с энергетиками, реклама кредитов, шиномонтажа и женской одежды по акции. Этот мир был оскорбительно поверхностным, но именно поэтому в нём так удобно пряталось всё остальное. Настоящая мерзость никогда не живёт в руинах и готических замках. Она любит подъезды, архивы, кухонные столы и расписание обеда с двенадцати сорока до часа пятнадцати.

Он позвонил, не отрывая взгляда от дороги. На третьем гудке ответил мужской голос, усталый и чуть пропитый, но собранный.

— Да.

— Сергей Павлович, это я.

— Если ты опять про незаконный доступ к чему-нибудь, я старый человек и у меня давление.

— А если это очень убедительное давление?

На том конце хмыкнули.

— Говори.

Он коротко объяснил. Без деталей, которые вызвали бы немедленный отказ. Только дом, ниша, старая схема, нужна проверка доступа, лучше сегодня.

Сергей Павлович молчал несколько секунд.

— Лесная двадцать три?

Он бросил взгляд на неё. Она тоже услышала интонацию.

— Да.

— Плохой дом.

— Знаете его?

— Работал там когда-то. Давно. Ещё до капремонта. У них всё время лампы дохли на втором этаже.

— Нам нужно посмотреть нишу у окна.

— Сегодня?

— Да.

— После шести могу. Днём меня на объект тащат.

— Подойдёт.

— Только я туда один не полезу.

— И не надо. Мы будем.

— Тогда в шесть двадцать у подъезда. И возьми нормальный фонарь. Там даже днём свет какой-то гадкий.

Связь оборвалась.

Она смотрела вперёд, на мокрую дорогу.

— «Плохой дом», - сказала она. - Люблю эти лаконичные экспертные заключения.

— По крайней мере, он не спросил «а вы не пробовали психиатра».

— Значит, или видел достаточно, или слишком устал, чтобы шутить.

Он свернул к отделу. Им нужно было заехать, официально зафиксировать часть документов, сделать пару запросов и, главное, не дать делу окончательно утонуть в версии бытового убийства с неустановленным мотивом. В отделе всё выглядело так же, как всегда. Люди ходили с папками, кто-

то ругался у принтера, в коридоре пахло дешёвым кофе и мужским дезодорантом, в дальнем кабинете надрывался телефон, на стене у входа висел кривой плакат о противодействии коррупции, и сам плакат выглядел так, будто давно берёт взятки за молчание.

Он отнёс папку к себе. На столе уже ждал пакет от экспертизы. Серый конверт, штамп, подпись. Он вскрыл ножом для бумаги. Внутри заключение по собранной золе. Она села на край стола, пока он читал.

— Ну?

Он перевёл взгляд по строчкам.

— Инеродное вещество неидентифицированной природы. Частично органический состав, частично минеральные примеси. Следы термического воздействия без признаков типичного горения древесины, ткани или пластика. Рекомендовано повторное исследование.

— Красиво сказали «мы не понимаем, что это».

— Да. Очень вежливо.

Он положил заключение рядом с рисунком в прозрачном файле. Детская фигура, надпись, архивные жалобы, технический план, зола. На столе это всё выглядело как плохая шутка над жанром. Нормальное расследование требует траекторий: кто, когда, зачем, чем. Здесь пока была только геометрия внимания.

Она взяла рисунок, не вынимая из файла, и снова посмотрела на чёрную фигуру у дома.

— Меня не отпускает одна вещь.

— Какая?

— Почему «из-за глаз»? Не «в глазах», не «через глаза», а «из-за».

Он поднял на неё взгляд.

— Потому что для ребёнка это не функция зрения. Это место. Как если бы за взглядом было пространство, откуда оно выходит.

— То есть не объект, который мы видим, а нечто, что живёт за механизмом видения.

— Да.

Она медленно кивнула.

— Мерзко.

— Очень.

В дверь постучали и сразу открыли. На пороге возник эксперт, худой, с вечно недовольным лбом, в очках, на которых оседала пыль лаборатории и общее презрение к миру.

— Ты читал? - спросил он вместо приветствия.

— Уже.

— Я хочу этот образец ещё раз прогнать.

— Почему?

Эксперт закрыл за собой дверь и прошёл внутрь. Положил на стол пакет с перчатками и сел без приглашения.

— Потому что мне не нравится, когда вещество ведёт себя как мусор, а под микроскопом у него структура, будто оно раньше чем-то было организовано.

Она посмотрела на него.

— Чем-то?

— Не знаю. И мне не нравится, что не знаю.

Он взял заключение и ткнул в строчку.

— Это что значит?

— Это значит, что частицы местами напоминают сгоревшую биологическую ткань, но без ряда маркеров, которые обычно прилагаются к живому. Как будто у тебя есть пепел того, что не было телом, но когда-то имело внутренний порядок.

— Отлично, - сухо сказал он. - Просто отлично.

Эксперт пожал плечом.

— Ты ведь не ради хороших новостей это принёс.

— У тебя когда-нибудь было что-то похожее?

— Нет. И я бы предпочёл, чтобы не было.

Она спросила:

— Если это не ткань и не обычный материал, оно могло образоваться от температуры?

— Могло. Но тогда мне нужен источник температуры, который не оставляет сопутствующих следов и при этом меняет структуру вещества так, будто оно не горит, а разрушается по другой логике. У тебя есть такой источник?

— Пока только плохое настроение вселенной, - сказал он.

Эксперт не улыбнулся.

— Когда найдёшь вселенную, возьми у неё объяснительную.

Он ушёл так же резко, как пришёл, оставив после себя запах латекса, спирта и профессиональной раздражённости. В кабинете снова стало тихо. Он посмотрел на часы. До встречи у дома оставалось чуть больше трёх часов. Время до шести двадцати показалось неприятно длинным. Такое время опасно тем, что в него лезут мысли.

— Нужно встретиться с племянником, - сказала она.

— Если найдём.

— Найдём. Через регистрацию родственников, адресные базы, всё что угодно.

— Сегодня не успеем.

— Тогда завтра.

Он кивнул.

На секунду они оба замолчали, и эта пауза уже не была просто рабочей. За последние сутки между ними образовалась новая территория, не дружба и не доверие в прямом виде, а нечто куда более прагматичное и потому прочное: совместная вовлечённость в то, что нельзя пересказать третьим лицам без потери смысла и репутации. Люди крепче всего привязываются не через симпатию, а через разделённое нарушение картины мира.

Она первой нарушила молчание.

— Ты сегодня несколько раз замолкал перед тем, как сказать что-то важное.

— Наблюдательно.

— Не делай вид, что тебя это радует.

— Не радуется.

— Тогда скажи.

Он провёл ладонью по лицу. Усталость уже не ощущалась как усталость. Она превратилась в фоновую шероховатость, на которой любая мысль скользила чуть хуже, чем должна.

— Мне кажется, Авдеев не был первой жертвой этого дома.

— Почему?

— Потому что правило уже существовало до него. Соседка сказала, что мать её тоже знала. Значит, либо форма проявления повторяется поколениями, либо дом удерживает модель достаточно долго, чтобы она стала частью местного быта.

— И ты думаешь, что у таких вещей есть цикл?

— У всего есть цикл. Даже у дряни.

Она постучала пальцем по техплану.

— Если цикл связан с точкой, нам нужно понять, что именно там удерживается. Материал, пустота, след события. Я всё ещё не верю, что пространство может «помнить» само по себе.

— А я всё ещё не уверен, что дело только в пространстве.

— Думаешь, кто-то взаимодействовал с этим осознанно?

Он посмотрел на рисунок.

— Не исключая.

— Кто?

— Авдеев мог сначала просто наблюдать, потом начать от-

вечать. Писать. Смотреть. Проверять. Если это система внимания, самый опасный тип человека для неё и для себя самого это тот, кто не отворачивается.

— То есть ты.

Он чуть повернул голову.

— Это было грубо.

— Зато точно.

Он не стал спорить.

Она подошла к окну его кабинета. Снаружи начинало смеркаться. Ранний осенний свет медленно проваливался в серую воду вечера. Машины внизу уже включали фары. На парковке двое курили у багажника, оттуда доносился обрывок смеха. Мир делал всё, чтобы не выглядеть фатальным.

— Я всё думаю, - сказала она, глядя вниз, - что если «оно» не хочет быть увиденным полностью, то зачем оставляет сообщения? Зачем надпись на стене, фраза на экране, голос в голове? Это же прямой риск.

— Не риск. Регулировка.

— Объясни.

— Оно не даёт лицо. Не даёт форму. Только направляет. Как инструктор, который не приходит в класс, а оставляет правила на доске. Не смотреть слишком долго. Не искать лицо. Он смотрел дольше. Это не демонстрация. Это рамка поведения.

Она повернулась.

— То есть оно не столько пугает, сколько обучает нас пра-

вильному способу взаимодействия с ним.

— Да.

— Это почти хуже.

— Гораздо хуже.

Потому что хаотическое зло можно переждать, спрятаться, закрыть, изолировать. А зло, которое вводит протокол, уже считает тебя частью своей среды.

Телефон у него завибрировал. Сообщение с неизвестного номера. Без имени. Без прошлого в цепочке. Он открыл.

«В нише ничего нет. Поэтому туда и смотрят».

Он показал экран ей.

Она долго смотрела, потом медленно выдохнула.

— Прекрасно. Теперь оно читает наши планы быстрее нас.

— Или кто-то читает.

— Ты всё ещё держишься за человеческий вариант?

— Я обязан держаться за все варианты, пока могу.

— А я начинаю ненавидеть слово «вариант».

Он заблокировал экран. Телефон сразу снова завибрировал. Второе сообщение.

«Не ломайте стену. Откройте то, что уже открыто».

Внутри у него неприятно похолодело не от страха, а от того самого чувства оскорблённой автономии.

— Удаляй? - спросила она.

— Нет. Пусть остаётся.

— Зачем?

— Потому что мне нужно помнить тон.

— Тон?

— Да. Это не паника и не угроза. Это уверенность хозяина, который раздражён, но пока вежлив.

Она села обратно.

— Чем дальше, тем больше мне хочется дать этому имя только затем, чтобы было что ненавидеть конкретно.

— С этим аккуратнее. Имена работают в обе стороны.

Она прищурилась.

— Откуда ты опять это взял?

Он посмотрел на неё ровно.

— Не знаю.

— Ты слышишь себя?

— Постоянно. Это не делает ситуацию лучше.

До вечера они успели оформить запрос на родственников Авдеева, поднять адресную базу по возможному племяннику, получить предварительную фамилию и старый адрес, который уже, скорее всего, не актуален. Бумаги на столе множились. Чем больше становилось фактов, тем меньше они походили на нормальное дело. Стол был завален схемами, фотокопиями, распечатками, листами с пометками, кружкой с давно остывшим кофе, пепельницей, в которой окурки лежали как маленькие обугленные кости. У самого края стола стоял настольный светильник, и его жёлтый свет делал документы похожими не на материалы расследования, а на архив неудачной попытки доказать, что реальность нарушила

договор.

К шести они выехали. Город уже включил вечернюю подсветку, мокрые улицы отражали светофоры и фары, витрины магазинов, окна маршруток, неон аптек и круглосуточных кофеен. Ранняя осень к этому часу всегда становилась особенно вязкой. Воздух набирал холод, но ещё не очищался, деревья уже обветшали цветом, но ещё не оголились, в лужах плавали листья, похожие на мелких утопленников. У дома Сергей Павлович уже ждал. Невысокий, плотный, в тёмной куртке и кепке, с фонарём, сумкой инструментов и лицом человека, который слишком давно чинит чужие поломки, чтобы сохранять уважение к материи.

— Выглядишь плохо, - сказал он ему вместо приветствия.

— Спасибо.

— Это не оскорбление. Это профессиональное наблюдение.

Сергей Павлович посмотрел на неё, кивнул, потом перевёл взгляд на дом. Выражение его лица стало жёстче.

— Не люблю я это место. Всегда здесь как будто звук глуше.

Она тихо сказала:

— Да.

— Значит, не у меня одного старческие фантазии, - буркнул он и двинулся к подъезду.

Они вошли. Внутри пахло всё тем же: сырость, краска, старые трубы, человеческое жильё, под которым пряталось

что-то ещё. Сергей Павлович поднялся на второй этаж без лишних слов, поставил сумку на подоконник и посветил фонарём вдоль стены рядом с окном.

— Вот тут был шкаф связи. После ремонта зашили гипсом и панелью. Но если делать аккуратно, можно открыть крышку сбоку.

— Здесь есть крышка? - спросила она.

— Должна быть. Если не заварили совсем.

Он присел, провёл ладонью по стене, постучал костяшками. Звук менялся. Глухой. Потом чуть пустотелый. Потом снова глухой.

— Есть полость, - сказал он. - Небольшая.

Он достал плоский инструмент, поддел край панели в месте, где шов был почти не виден. Металл тихо скрипнул. У него внутри сразу отозвалось чем-то неприятным, как будто не панель открывали, а старую корку на ране.

Сергей Павлович замер.

— Что? - спросил он.

— Холод.

Они оба подошли ближе. Из узкой щели действительно тянуло холодом. Не просто прохладой подъезда. Холодом другого качества. Сухим, глубинным, как из старого подвала, куда десятилетиями не заходил воздух.

— Открывай, - сказал он.

Сергей Павлович посмотрел на него с коротким раздражением.

— Я и так открываю, не подгоняй. В таких местах спешка любит потом руку отрывать.

Панель поддалась ещё на сантиметр. Щель расширилась. Холод усилился. Фонарь высветил внутри пыль, старые кабели, куски застывшей монтажной пены, металлическую раму, идущую вглубь стены. И ещё кое-что. На дальней внутренней поверхности, там, где по логике должна быть просто бетонная задняя стенка, был круглый чёрный след, словно от копоты или очень старого ожога. Но форма была слишком правильной. Не пятно. Скорее контур отверстия, которого не было.

Сергей Павлович тихо выругался.

— Там что? - спросила она.

Он взял у него фонарь и посветил сам. Чёрный круг поглощал свет странно. Не отражал совсем. Но при этом поверхность стены вокруг была видна нормально. Как будто фонарь упирался не в бетон, а в отрицание материала.

— Это не дыра, - сказал он.

— А что? - спросила она.

— Пока не знаю.

Он протянул руку внутрь, медленно, не касаясь. Холод становился сильнее по мере приближения. Не на коже. Внутри костей.

Сергей Павлович резко сказал:

— Не надо.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что я эту хрень уже раз видел.

Тишина стала такой, что даже дальний стук лифта звучал как постороннее вторжение.

— Когда? - спросила она.

Сергей Павлович сглотнул.

— Лет тринадцать назад. Приезжал сюда менять лампу. Авдеев тогда ещё живой был. Он меня сюда и притащил. Говорит, посвети в нишу. А там вот это. Я подумал, плесень, копоть, чёрт знает что. Хотел тронуть отвёрткой. Он как заорал, будто я ему глаз выколоть собрался.

— И? - спросил он.

— И я не тронул. Ушёл. Через неделю узнал, что он повесился.

Она тихо сказала:

— Почему вы не рассказали раньше?

— А кому? - огрызнулся он. - Чтобы мне тоже справку выписали? Я ремонтник, не медиум.

Он снова посмотрел в нишу. Чёрный круг не менялся. Но смотреть на него было трудно не из-за страха, а потому что взгляд как будто не находил, за что зацепиться. Это действительно не было поверхностью в привычном смысле. И тут он вспомнил сообщение.

«Откройте то, что уже открыто».

— Не ломайте больше, - сказал он.

— Что? - одновременно спросили она и Сергей Павлович.

— Не панель. Не стену. Ничего. Мы уже открыли.

Он медленно поднёс фонарь чуть выше и увидел над кругом, на внутреннем металле ниши, тонкую царапину. Потом ещё одну. И ещё. Как будто кто-то много раз пытался что-то написать, но металл сопротивлялся. Он наклонился ближе. Буквы проступали с трудом. Корявые, срывающиеся.

«Не в глазке. В ответе».

Он почувствовал, как под рёбрами что-то неприятно сжалось. Не от смысла. От того, что почерк был живой. Человеческий. Отчаянный.

— Авдеев, - сказал он.

— Что там? - спросила она.

— Надпись.

Она подошла ближе. Сергей Павлович тоже, но не слишком. Все трое стояли у открытой ниши, в узком коридоре лестничной площадки, под жёлтой лампой, и это выглядело не как расследование, а как сцена из мира, где людей последовательно и методично отучают доверять собственным органам чувств.

Она прочитала шёпотом:

— «Не в глазке. В ответе».

Пауза.

— Что это значит? - спросил Сергей Павлович.

Он не сразу ответил. Смотрел на чёрный круг и чувствовал, как на него медленно, почти вежливо, начинает накатывать знакомое давление. Не со стороны. Из самой конфигу-

рации внимания. Как если бы ниша не излучала, а ждала ровно того момента, когда ты начнёшь думать о ней правильно.

— Это значит, - сказал он тихо, - что оно не приходит, пока на него просто смотрят. Оно приходит, когда ему отвечают.

И в этот момент свет на площадке моргнул. Один раз. Потом второй. Потом погас совсем.

Глава 7

Свет погас не резко, а как будто с отвращением. Сначала лампа на площадке дрогнула, потеряла цвет, стала грязно-жёлтой, потом выцвела до серого, словно внутри неё выгорела не нить, а сама готовность участвовать в происходящем. И только после этого наступила темнота. Не абсолютная. Абсолютная темнота почти всегда литературная ложь. Здесь остался слабый прямоугольник окна, туманно-серый, влажный, с размытыми огнями двора за стеклом. Но этого света было слишком мало, чтобы доверять ему, и слишком много, чтобы спрятаться в полной слепоте.

Сергей Павлович выругался первым.

— Вот же дрянь.

Шорох его куртки в темноте прозвучал громче, чем должен был. Металлический инструмент в сумке звякнул так, будто подал отдельную реплику.

Она сразу достала телефон, но экран не загорелся. Только коротко моргнул белёсым пятном и опять стал чёрным.

— Не работает.

Он уже знал. Ещё до того, как нажал на кнопку своего фонаря. Мёртвый пластик, мёртвый свет, мёртвая электроника. Только дыхание. Их троих. И ещё что-то, едва различимое, как будто в нише сам холод дышал по собственной, небиологической механике.

— Никто не трогает стену, - сказал он тихо.

— А что трогать, по-твоему, надо? - огрызнулся Сергей Павлович.

— Пока ничего.

— Прекрасно. Стоим в темноте у дырки в доме и ничего не делаем. Великолепный план.

Она сказала:

— Замолчи на минуту.

Он услышал по голосу, что она не злится. Злость звучала бы резче. Здесь было другое. Она прислушивалась.

И тогда услышал он тоже.

Не шаги. Не шорох. Не человеческий звук.

Скорее последовательность малых сдвигов, как если бы где-то по лестничному пролёту смешался воздух. Не сверху вниз и не снизу вверх. Ближе. Потом дальше. Потом снова ближе. И вся мерзость заключалась в том, что определить направление было невозможно. Звук не шёл через пространство. Он как будто проявлялся уже в точке внимания.

— Оно здесь, - очень тихо сказала она.

Сергей Павлович резко втянул воздух.

— Не надо вот этого вашего "оно". Я сейчас уйду.

— Нет, - сказал он.

— Очень убедительно. А почему это я вдруг не уйду?

— Потому что если сейчас сорвёшься вниз в темноте, начнёшь смотреть по сторонам. А этого как раз делать не надо.

— С чего ты решил?

Он не ответил сразу. В тишине снова прозвучало это едва уловимое перемещение. Не звук подошвы по бетону. И не ткань. Как будто кто-то менял положение не тела, а самой точки присутствия на площадке.

— Потому что оно ждёт ответного движения, - сказал он наконец. - Текст был об этом.

Она тихо добавила:

— "Не в глазке. В ответе". Не смотрят - отвечают. Вниманием, действием, страхом, попыткой отследить.

Сергей Павлович сглотнул так громко, что это почти раздражало.

— Вы оба сейчас говорите как два человека, которым срочно нужен отпуск в клинике.

— Возможно, - ответил он. - Но пока ты всё ещё стоишь рядом, а не бежишь, значит, какая-то часть тебя уже понимает, что дело не в психике.

Пауза.

— Что делать? - спросила она.

Он смотрел в серый прямоугольник окна и старался не переводить взгляд к нише. Там, за плечом, было то самое чёрное отсутствие, которое не хотелось проверять ещё раз. Внутри неприятно работала мысль, очень простая и потому опасная: если это "нечто" не приходит само, а включается в ответ, значит, часть механизма уже у них в руках. И это одновременно давало опору и оскорбляло. Хищник, который зависит от движения жертвы, всё равно остаётся хищником.

Но у зависимости всегда есть форма.

— Никто не должен искать его глазами, - сказал он. - Держим взгляд на окне, на стене, на любом фиксированном предмете. Не в темноту.

— А если оно двинется? - спросил Сергей Павлович.

— Оно уже двигается.

— Очень обнадёживает, мать твою.

Она тихо сказала:

— У тебя есть зажигалка?

— Есть.

— Не зажигай пока, - сказал он.

— Почему?

— Потому что свет тоже ответ.

Сергей Павлович коротко выдохнул.

— То есть дышать нам ещё можно, или это тоже провокация?

И в этот момент что-то изменилось в воздухе.

Не температура. Не звук.

Глубина.

Площадка стала казаться длиннее, чем была. Он это понял не глазами, а телом, по тому, как сместилось ощущение расстояния до стены напротив. Дом не сдвинулся, бетон не растянулся, но восприятие пролёта стало вязким, как если бы между ними и лестницей вставили лишний отрезок пространства. Он всегда ненавидел подобные вещи больше всего. Не явную мерзость, не кровь, не трупы. А вмешательство

в базовые параметры, на которые опираешься ещё до мысли.

— Не двигаться, - сказал он.

— Я и так не двигаюсь, - прошептала она.

— Я тоже, чтоб вы знали, - сказал Сергей Павлович уже заметно тише.

Из темноты, оттуда, где должен был быть спуск к первому этажу, вдруг донёсся тихий, почти домашний звук. Как будто кто-то постучал ногтем в дверь. Один раз. Потом ещё два. Пауза. И снова один.

Он почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось.

— Это ритм, - сказала она.

— Да.

— Что за ритм?

Он не ответил. Потому что уже понял. Не разумом. Телом. Так стучат не в случайную дверь. Так стучат тому, кто уже ждёт.

Сергей Павлович прошептал:

— Я не выдержу сейчас.

— Выдержишь, - сказал он.

— Да с чего ты вообще...

— Потому что ты уже видел это однажды и всё ещё жив. Тот резко замолчал.

Иногда человеку достаточно напомнить, что его биография сама по себе опровергает панику. Не успокаивает. Но придаёт злую форму выживанию.

Она тихо спросила:

— Если ответом является внимание, то как разорвать цикл?

— Лишить его подтверждения.

— То есть?

— Не искать, не догонять, не проверять, не подстраивать восприятие под него.

— Мы сейчас буквально стоим у открытой ниши в темноте.

— Я в курсе.

— Тогда звучит немного лицемерно.

— Я никогда не обещал быть внутренне непротиворечивым.

Ей почти удалось усмехнуться. Почти. Но в этот момент у окна что-то едва заметно сдвинулось. Не за стеклом. В самом отражении. Серая поверхность дрогнула, и в ней на долю секунды появился силуэт. Не целиком. Только вертикальная тень у самого края. Та самая. Чрезмерно неподвижная.

Она увидела это одновременно с ним. Он понял по резко-му изменению её дыхания.

— Не смотри, - сказал он слишком поздно.

— Я уже...

— Не продолжай.

Но уже было поздно. Потому что в стекле силуэт не исчез. Он просто стал чуть ближе. Не физически. Геометрически. Как если бы отражение перестроило расстояние в свою пользу.

Сергей Павлович тихо выматерился:

— Там кто-то есть?

Никто ему не ответил.

Он сделал единственно верную вещь. Снял пиджак и одним резким движением набросил на окно, насколько смог достать. Ткань шлёпнула по стеклу, закрыв половину отражающей поверхности. Серый свет двора стал рваным, неровным. Но силуэт исчез.

Почти сразу напряжение в воздухе изменилось. Не спало. Просто перестало нарастать.

— Хорошо, - сказала она очень тихо.

— Это не хорошо. Это рабоче.

— Ты сегодня особенно очарователен.

— Я в процессе борьбы с нечеловеческим присутствием.

Мой шарм сейчас в отпуске.

Сергей Павлович нервно хохотнул, и этот звук прозвучал почти неприлично живым.

— Ладно, - сказал он. - Ладно. Если шутки ещё остались, значит, мы не сдохли.

— Пока да, - ответил он.

Потом добавил:

— У тебя в сумке есть что-нибудь вроде мела?

— Чего?

— Мел, маркер, изолента, что угодно для отметок.

— Маркер есть. Зачем?

— Нужно зафиксировать, что реально в пространстве, а

что только кажется.

Она сразу поняла.

— Опорные точки.

— Да.

Сергей Павлович на ощупь полез в сумку, вытащил толстый белый строительный маркер. Он взял его и быстро, не отходя далеко от стены, сделал три метки: на краю подоконника, на плитке у двери тридцать седьмой квартиры, на периле лестницы. Простые белые черты. Настоящие. Материальные. От их грубости и бытовой убогости стало чуть легче.

— Теперь, - сказал он, - если расстояние снова поплывёт, мы увидим.

— Или оно сдвинет и метки тоже, - сказала она.

— Тогда у меня появится повод злиться сильнее.

— Это был не ответ на вопрос.

— Другого нет.

Он говорил сухо, но внутри уже собиралась более точная мысль. Оно не любит прямого освещения. Не в смысле света. В смысле грубой фиксации. Метка, ткань на стекле, закрытие отражения, отказ следовать за силуэтом взглядом. Всё это не останавливало, но мешало. Значит, у механизма был конфликт с буквальностью. Оно работало там, где восприятие скользит, где глаз не цепляется, где мозг достраивает вместо регистрации.

И тут его осенило с такой неприятной ясностью, что он почти разозлился на собственную медлительность.

— Сергей Павлович, - сказал он. - Когда Авдеев показывал тебе эту нишу, он что делал? Просто смотрел?

Тот замер в темноте.

— Нет... Подожди. Нет. Он всё время заставлял меня повторять, что я вижу. Прямо словами. Я ещё подумал, совсем у мужика нервы поехали. Он фонарём светил и спрашивал: "Что ты видишь? Повтори. Что ты видишь?"

Он кивнул, хотя в темноте этого никто не увидел.

— Вот.

Она сразу сказала:

— Вербализация как фиксация реальности.

— Да.

— Пока вещь названа грубо и буквально, восприятие меньше достраивает.

— Именно.

Сергей Павлович с тяжёлым недоверием спросил:

— И что теперь, стоять и разговаривать с темнотой как на групповом сеансе?

— Не с темнотой, - сказал он. - С пространством. Называть то, что точно есть.

— Господи...

— Начинай.

— Серьёзно?

— Да.

Пауза.

Потом Сергей Павлович, глухо и зло, произнёс:

— Окно. Подоконник. Стена. Перила. Дверь тридцать седьмой. Сумка. Вы двое.

Звук "вы двое" прозвучал особенно остро. Потому что в темноте всегда есть риск назвать лишнего. Но он назвал только их. И этого оказалось достаточно. Давление снова чуть ослабло. Совсем немного. Но ощутимо.

Она продолжила:

— Плитка. Метка на плитке. Край ниши. Металл. Панель. Ткань на окне.

Он добавил:

— Шов стены. Порог. Краска на периле. Трещина на подоконнике. Метка на металле.

И в этот момент снизу, со стороны лестницы, снова раздался тот же стук. Один. Потом два. Пауза. Один. Только теперь он звучал глуше. Дальше. Будто отступил.

— Работает, - шёпотом сказала она.

— Не факт. Но мешает.

— Мне подойдёт любая формулировка, при которой оно идёт к чёрту.

Он почти усмехнулся. Почти. Потому что ситуация всё ещё была слишком хрупкой. Как стекло, по которому уже пошла паутина, но оно пока не осыпалось.

— Продолжаем, - сказал он.

Они говорили по очереди, медленно, без пафоса, без "магических" интонаций. Просто называли мир в его тупой, физической конкретности. Пластик. Металл. Бетон. Пыль.

Маркер. Ткань. Куртка. Кнопка. Болт. Шов. Кромка. Ржавчина. Холод. И на слове "холод" он вдруг остановился.

Потому что холод был не предметом. А состоянием.

И это сразу изменило всё.

— Не называй то, что не имеет формы, - сказала она тихо, будто прочитала мысль.

— Да.

— Только вещи.

— Только вещи.

Снизу снова что-то изменилось. Вместо стука теперь слышалось медленное трение, как если бы по стене вели тканью. Не быстро. С расстановкой. С той самой оскорбительной невозмутимостью, с которой некоторые формы ужаса входят в рутину, если им это позволить.

Сергей Павлович уже не матерился. Это было плохим признаком. Когда простой человек перестаёт ругаться, значит, страх ушёл глубже и стал серьёзным.

— У меня вопрос, - сказал он хрипло.

— Говори.

— Если эта штука любит, чтобы на неё отвечали, мы сейчас не делаем ровно это?

Она повернулась к нему.

— Нет. Мы отвечаем не ей. Мы удерживаем среду.

Он добавил:

— Есть разница между реакцией на присутствие и фиксацией пространства. Ей нужен не звук, а согласие играть по

её оптике.

Сергей Павлович молчал несколько секунд.

— Я не до конца понимаю, но спорить не стану.

— И не надо.

Потом внизу скрипнула дверь подъезда.

Все трое замерли.

Обычный звук. Настоящий. Почти вульгарно обычный. За ним последовали шаги. Человеческие. Чёткие. С нормальной инерцией, с разницей веса между ступнями, с неравномерностью, которая бывает только у живого тела, не думающего о том, как звучать правильно.

Кто-то поднимался.

Сергей Павлович выдохнул так резко, будто его только что отпустили с допроса.

— Слава богу.

— Не спеши, - сказал он.

Шаги дошли до первого этажа. Потом до пролёта между первым и вторым. И остановились.

Тишина.

Потом женский голос, усталый и раздражённый:

— Опять света нет, что ли?

Он узнал её. Соседка. Та самая.

— Не выходите из квартиры, - сказал он громко, но без крика.

Пауза.

— Это ещё почему?

— Ремонтные работы.

— В темноте?

— У нас инновационный подход.

Она хмыкнула.

— Это по вам видно.

Щёлкнул замок. Дверь не открылась. Слава всему, что сегодня ещё работало.

Голос из-за двери сказал:

— Если вы там снова у окна копаетесь, не смотрите долго.

Сергей Павлович судорожно втянул воздух.

Он спросил:

— Вы можете включить свет в квартире и открыть дверь на цепочку?

— Могу. А толку?

— Сделайте.

Через пару секунд из щели под дверью легла жёлтая полоса света. Нормального. Тёплого. Жилого. Потом дверь приоткрылась на длину цепочки.

Свет из квартиры упал на площадку, достал до их ног, до плитки, до сумки с инструментами, до белой метки у порога. И этого оказалось достаточно, чтобы дом чуть отпустил горло.

— Так лучше, - сказала она рядом с ним.

— Да.

Соседка выглянула, шурясь.

— Что у вас тут?

Он подошёл на шаг ближе, не входя в её свет целиком.

— Нам нужно, чтобы вы не смотрели в сторону окна и ниши. Просто держите дверь открытой.

— Вы оба совсем двинулись?

— Возможно, - ответила она вместо него. - Но пока слушайте.

Старуха пожевала губами. В её взгляде не было ни паники, ни большого доверия. Только та деревенская практичность, которая иногда переживает цивилизацию.

— Ладно. Минуту подержу. Дольше мне сквозит.

И эта фраза, своей тупой бытовой честностью, почти спасла ситуацию. Потому что ничего так не бесит неправильное, как чужая обыденность, отказывающаяся драматизировать.

Свет из её квартиры оставался небольшим, но стабильным. Электричество у неё было. Значит, выбило не весь подъезд. Только их участок. Или только их восприятие этого участка.

— Сергей Павлович, - сказал он. - Сможешь закрыть нишу?

— Если быстро.

— Не быстро. Аккуратно. И не смотри внутрь дольше секунды.

— Вы сейчас так формулируете, будто у меня впереди операция на мозге.

— Я не исключаю, что по смыслу близко.

Тот взялся за панель. Руки у него слегка дрожали, но ра-

ботали чётко. Жесты человека, который всю жизнь имел дело с железом и знает, что металлу нельзя показывать нерешительность. Он поддел край, поймал угол, повёл вверх. Панель скрипнула, села на место не сразу. Холод из щели ещё тянул, потом ослаб. Совсем не ушёл. Но перестал быть направленным.

И в ту же секунду на площадке загорелся свет.

Просто включился.

Словно кто-то в доме сделал вид, что ничего особенного не было.

Соседка из-за двери хмыкнула:

— Ну вот. А развели, как на похоронах.

Он повернулся к ней.

— Спасибо. Закрывайте.

— Я и не собиралась тут жить на цепочке.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Снова остались только они трое и жёлтая лампа под потолком. Обычная. Дешёвая. Человеческая.

Сергей Павлович медленно выпрямился и вытер лоб рукавом.

— Всё. Я на сегодня свой лимит inferнальной сантехники исчерпал.

— Подожди, - сказала она. - До конца не всё.

Он посмотрел на неё.

Она кивнула на маркерные метки.

Метка на плитке осталась. Метка на подоконнике тоже.

А вот черта на периле сместилась. Буквально на несколько сантиметров вниз. Как если бы кто-то перехватил её и нанёс чуть ниже. Или как если бы она никогда не была там, где он точно помнил.

Он подошёл ближе.

— Ты это видишь? - спросила она.

— Да.

Сергей Павлович глянул и выругался.

— Я же не трогал.

— Знаю.

Он смотрел на белую черту и думал о том, что пространство не просто сопротивляется фиксации. Оно пытается переписать запись. Не все следы. Только те, что относятся к глубине, к ориентации, к положению в системе. Подоконник и плитка остались, потому что они слишком тупо материальны. Перило - другое дело. Переходный объект. Линия движения. Граница направления. Поэтому именно его и сдвинули.

— Оно не любит схемы, - сказал он.

— Оно не любит, когда у него отнимают право задавать координаты, - ответила она.

— Да.

Сергей Павлович поднял сумку.

— Если вы сейчас начнёте обсуждать философию дряни, я без вас пойду вниз.

— Иди, - сказал он. - Но один не задерживайся на пролётах.

— Спасибо, забота тронула.

Они начали спускаться. Свет теперь был везде, но после темноты он выглядел не утешением, а слишком яркой маскировкой. Дом делал вид, что снова стал домом. На первом этаже пахло жареным луком и кошачьим кормом. У почтовых ящиков лежала рекламка натяжных потолков. У двери подъезда висело объявление про собрание собственников. Всё это было настолько унизительно нормально, что хотелось плюнуть.

Во дворе уже стемнело по-настоящему. Лужи ловили свет фонарей, листья прилипли к асфальту, у лавки кто-то забыл пластиковый пакет с батоном. Из открытого окна на первом этаже тянуло паром и тушёной капустой. Жизнь занималась своими дешёвыми повторами.

Сергей Павлович остановился у машины и резко сказал:

— Слушайте оба. Я туда больше не полезу. Хоть режьте.

— И не надо, - ответил он.

— Не надо? Так легко?

— Ты нам уже помог.

Тот подозрительно прищурился.

— Что-то ты подозрительно человечный.

— Не привыкай.

Сергей Павлович коротко кивнул. Потом посмотрел на дом, избегая окон второго этажа.

— Авдеев тогда после этой ниши всё время повторял одну вещь.

Они оба сразу повернулись к нему.

— Какую?

— Что оно сначала хочет, чтобы ты проверил, не ошибся ли. А потом хочет, чтобы ты проверил ещё раз.

Пауза.

— Почему вы не сказали раньше? - спросила она.

— Потому что раньше я надеялся, что память можно считать испорченным имуществом. Сейчас уже поздно надеяться.

Он кивнул.

— Это важно.

— Мне от этого не легче.

— И не должно.

Сергей Павлович зло сплюнул в сторону, попал в лужу и, не прощаясь, пошёл к воротам двора. Уходил он быстро, чуть сутулясь, не оборачиваясь. Правильно. Любой нормальный человек после такого должен был хотеть только одного: чтобы всё это осталось у него за спиной. Проблема в том, что некоторые вещи слишком хорошо умеют идти следом не ногами, а способом, которым ты потом смотришь на тёмные углы.

Они остались вдвоём у машины.

Она первой нарушила молчание:

— "Сначала хочет, чтобы ты проверил, не ошибся ли". Это почти идеальное описание ловушки.

— Да.

— Не страх, не нападение, не образ. Сомнение.

— Потому что сомнение заставляет повторить взгляд добровольно.

Он обошёл машину, но не сел. Посмотрел на дом. Второй этаж был тёмным. Третья секция фасада мокро блестела. Пиджак он с окна так и не снял. В темноте ткань за стеклом выглядела как чёрный провал. Его след. Его ответ.

— Ты о чём думаешь? - спросила она.

— О том, что Авдеев, возможно, понял механизм почти до конца.

— Но не смог выйти.

— Да.

— Почему?

Он молчал.

Потом сказал:

— Потому что понимать мало. Нужна ещё дистанция.

— А у нас она есть?

Он коротко усмехнулся.

— С учётом того, что оно пишет на телефоны быстрее, чем мы формулируем версии? Не уверен.

Она прислонилась бедром к дверце.

— Тогда давай честно. На сколько процентов ты всё ещё считаешь, что это может быть человеческая схема? Манипуляция, кто-то внутри дома, технические трюки, психическое заражение, не знаю.

Он подумал. Не для эффекта. Реально прикинул.

— На пятнадцать.

— Мало.

— Достаточно, чтобы не стать идиотом.

— И на восемьдесят пять?

— На то, что у нас контактная аномалия, завязанная на внимание, отражение, повторную проверку и подтверждение восприятия.

— Красиво. Но всё ещё звучит как диагноз помещению.

— Возможно, так и есть.

Она посмотрела на окна.

— Мне кажется, диагноз не помещению. Отношению.

— В смысле?

— Не дому плохо. Плохо связи между тем, кто смотрит, и тем, на что он смотрит. Дом просто удобный носитель. Коридоры, глазки, отражения, стекло, замкнутая вертикаль этажей. Всё уже готово для искажения. Архитектура как инструмент.

Он перевёл взгляд на неё.

— Это хорошая мысль.

— Ненавижу, когда в кошмаре приходится быть умной.

— А я ненавижу, когда кошмар заставляет соглашаться с чужими хорошими мыслями.

— Прогресс. Ты почти похвалил.

— Не преувеличивай.

Они сели в машину. Он завёл мотор, но не тронулся. Просто сидел, глядя на двор через лобовое стекло. Стекло было

мокрым, и отражения фонарей расплзались по нему длинными жёлтыми жилами. Щётки не включал. Хотел оставить картинку достаточно грязной, чтобы она не претендовала на ясность.

Телефон завибрировал.

Они оба посмотрели одновременно.

Сообщение.

Без номера.

Он открыл.

«Вы закрыли не то».

Ниже, через пару секунд, пришло второе.

«Но уже лучше».

Она медленно выдохнула.

— Оно оценивает.

— Да.

— И что, чёрт возьми, мы закрыли не то?

Он посмотрел на чёрное окно второго этажа.

И вдруг понял.

Не до конца. Но достаточно, чтобы внутри всё неприятно совпало.

— Не нишу, - сказал он.

— А что?

— Отражение.

Она молчала несколько секунд.

— Думаешь, окно было важнее?

— Думаю, ниша - носитель. Или след. А вход в ответ всё-

таки через отражение. Через момент, когда ты проверяешь, не ошибся ли, и смотришь снова.

— Значит, глазок, стекло, экран, любая поверхность, где мир возвращается тебе уже слегка переработанным.

— Да.

Она уставилась вперёд.

— И мы сейчас сидим в машине с двумя большими зеркалами по бокам и лобовым стеклом перед лицом.

Он сразу выключил внутренний свет, хотя тот и не горел.

— Не смотри в зеркала.

— Ты это говоришь уже как бытовую инструкцию.

— Да. И меня это бесит.

Машина тронулась. Они выехали со двора медленно, не потому что мешали припаркованные автомобили, а потому что оба невольно избегали боковых отражений. Он держал взгляд на дороге, на разметке, на задних фонарях впереди идущего автомобиля. Всё остальное было ненадёжным.

Через квартал она сказала:

— Нам нужен племянник.

— Да.

— И нам нужно понять, что Авдеев имел в виду под "ответом".

— Да.

— И ещё мне не нравится, что эта штука учится вести диалог.

— Она не учится. Она давно умеет.

— От этого мне не лучше.

— Мне тоже.

Они остановились на красный. На остановке стояла женщина с букетом хризантем, подросток в капюшоне ел шаурму, рядом мигала вывеска аптеки. Всё выглядело так, будто мир состоит исключительно из потребностей тела. Еда, лекарства, цветы, транспорт, свет. Нормальные вещи. И как же легко, оказывается, в эти нормальные вещи встраивается то, что не имеет тела, но отлично умеет пользоваться человеческой привычкой проверять, пересматривать, сомневаться, отвечать.

— Слушай, - сказала она. - А если Авдеев не повесился?

Он бросил на неё быстрый взгляд.

— Формально?

— Нет. По сути.

Он понял.

— Думаешь, финальный акт мог быть не самоубийством, а завершением цикла?

— Я думаю, если человек достаточно долго отвечает, его согласие перестаёт быть различимым. Снаружи это выглядит как собственное действие. Внутри, возможно, уже нет.

Он кивнул.

— Да.

— И тогда наши три тела в квартире тоже можно читать иначе.

— Я знаю.

— Не просто "убили". Довели до точки, где тело уже только оформляет распад.

Он крепче сжал руль.

— Да.

Ему не нравилась эта линия мысли, потому что она ударила слишком точно. Обычное насилие хотя бы оставляет ясную роль жертвы. Здесь же граница между внешним вторжением и внутренним согласием размывалась так мерзко, что само слово "вина" начинало казаться насильем над мёртвыми. Они не выбирали. Но и не сопротивлялись так, как сопротивлялись бы ножу или рукам. Потому что сначала у них отняли именно способность различать, где заканчивается своё решение и начинается навязанное.

— Завтра с утра, - сказала она, - я выбую адрес племянника, если его ещё можно выбить. Сегодня уже поздно.

— Да.

— А ты?

— Я поеду домой, сделаю вид, что существую как нормальный человек, и перечитаю всё по Авдееву.

— Очень правдоподобный план.

— У меня в жизни сейчас дефицит правдоподобия, так что буду экономить на чём могу.

Она вдруг повернулась к нему почти полностью.

— Только честно. Ты выдержишь ночь один?

Вопрос прозвучал жёстче, чем заботливо. И это было лучше. Жалость его бы раздражала. Функциональная проверка

- нет.

— Да, - сказал он.

Потом подумал и добавил:

— Если не буду проверять тёмные окна и не стану читать сообщения после двух ночи.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она смотрела ещё секунду.

— Ладно. Тогда правило до завтра. Никаких зеркал, выключенный телевизор, шторы закрыть, телефон на беззвучный после полуночи. И если придёт что-то с неизвестного номера, не открывай сразу.

Он чуть приподнял бровь.

— Ты сейчас выдаёшь мне инструкцию по выживанию или бытовой манифест паранойи?

— Какая разница, если работает.

— Принято.

— И ещё. Не проверяй, не показалось ли.

Он коротко кивнул.

Потому что это и было главным.

Не проверяй.

Не давай вторую попытку взгляду.

Не отвечай повторением.

Они доехали до её дома почти молча. Когда она вышла, дождь уже пошёл по-настоящему, мелкий, холодный, густой, как если бы небо устало держать в себе лишнюю воду. Она

наклонилась к открытому окну и сказала:

— Завтра утром я позвоню. Не пропадай.

— Это грубое требование.

— Да.

— Хорошо.

Она уже собиралась закрыть дверь, но вдруг снова наклонилась.

— И ещё. Ты сегодня был прав насчёт грубой фиксации.

— Редкий праздник.

— Не портить момент. Если оно не любит буквальность, значит, нам нужен не просто язык, а максимально тупой, предметный язык. Без интерпретаций. Без красивых формулировок.

— Ты сейчас предлагаешь мне отказаться от половины личности.

— Временно. Во имя выживания.

— Жестоко.

— Переживёшь.

Дверь закрылась. Она ушла под дождь, не раскрывая зонт сразу, будто дождь был меньшей проблемой, чем всё остальное. Он смотрел, как её фигура исчезает в свете фонаря, и поймал себя на том, что впервые за последние дни мыслит не только про дело, но и про неё как про отдельную устойчивую величину. Это было опасно. Не в романтическом идиотизме, а в простом факте: всё, что становится для тебя опорой, рано или поздно попадает в радиус воздействия таких вещей.

Мир очень не любит, когда человек собирает себя на чужой надёжности.

Домой он приехал поздно. Квартира встретила его тишиной, запахом пыли, книг, старого дерева и холода от чуть приоткрытого окна на кухне. Он закрыл его сразу. Потом прошёл по комнатам, не включая лишнего света. Прихожая, кухня, гостиная, спальня. Всё на местах. Ключи в керамической чаше. На столе чек из магазина двухдневной давности. На спинке стула рубашка. На подоконнике два высохших листа фикуса. Обычные следы одиночного существования. Они всегда выглядят жалко и надёжно одновременно.

Он выполнил её идиотскую инструкцию, хотя мысленно продолжал над ней издеваться. Закрыл шторы. Выключил телевизор из розетки. Положил телефон экраном вниз. Даже зеркало в прихожей накрыл полотенцем, и когда это сделал, сам на себя разозлился. Не за слабость. За то, что действие уже ощущалось рациональным.

На кухне он поставил чайник. Пока вода шумела, разложил на столе бумаги по Авдееву. Жалобы. Копии актов. Фото объяснительной. Рисунок. Техплан. Свои записи. Лист бумаги с быстро набросанной схемой:

взгляд -> сомнение -> повторная проверка -> подтверждение -> ответ -> углубление связи

Он смотрел на стрелки и ненавидел их. Потому что схема была слишком хороша. Слишком похожа на рабочий механизм любой психологической ловушки. Разница лишь в том,

что здесь эта ловушка, похоже, имела собственную инициативу и чувство тона.

Чайник вскипел. Щёлкнул выключатель. Звук был нормальным. Нормальность иногда действует сильнее успокоительного.

Он налил чай в кружку. Сел. Снова взял рисунок. Чёрная вертикальная фигура у дома. Подпись: "Дядя в коридоре". И на обороте: "Он не из коридора. Он из-за глаз".

Из-за глаз.

Не из глаз. Не в глазах.

Из-за.

То, что находится за механизмом зрения. За точкой, где мир встречается с интерпретацией.

Он медленно поставил кружку.

Потом взял блокнот и написал ещё одну строку:

оно живёт не в объекте, а в зазоре между увиденным и проверенным

И почти сразу понял, что это близко. Очень близко. В той квартире, на площадке, в глазке, в стекле, в экране телевизора - везде повторялась одна и та же модель. Сначала неуверенность. Потом желание убедиться. Потом ответ. И чем больше человек хотел ясности, тем глубже входил в механизм, который питался именно этим движением к ясности.

Значит, бороться с ним прямым распознаванием было бесполезно. Даже опасно.

Нужен был другой подход.

Не "увидеть".

Найти ошибку не в образе, а в процессе.

Телефон завибрировал.

Он замер. Руки на столе. Глаза на кружке.

Вибрация короткая. Одна.

Потом ещё одна.

Он не смотрел.

Третья.

Потом тишина.

Прошла почти минута, прежде чем он позволил себе вдохнуть глубже.

Не смотреть сразу.

Не отвечать.

Он встал, взял из ящика кухонное полотенце, накрыл телефоном, как живой дрянью, и только потом нажал сбоку кнопку, не открывая экран. Устройство погасло полностью.

Это выглядело нелепо. Унизительно. Но лучше нелепость, чем ответ.

Ночью ему снился не кошмар. Это было хуже. Снилось обычная лестничная площадка. Светлая. Дневная. С чистым окном, без грязи, без потёков. И в этой нормальной площадке стоял он сам. С другой стороны стекла. Не отражение, не двойник. Просто он. И смотрел так, как смотрят люди, которые уже знают, что вторая версия тебя моргнёт позже.

Он проснулся в пять двадцать две, ещё до будильника, с металлическим вкусом во рту и жёсткой уверенностью, что

кто-то звонил в дверь.

Квартира была тиха.

В прихожей зеркало под полотенцем выглядело почти комично. Телефон лежал на кухонном столе, чёрный, мёртвый, как будто за ночь окончательно утратил право называться средством связи.

Он подошёл к двери. Не к глазку. Просто к двери.

Стоял так секунд десять, слушая.

Ничего.

И только тогда заметил на полу, у самого порога, белую полосу.

Узкую.

Тонкую.

Словно кто-то снаружи провёл строительным маркером по нижнему краю двери.

Он присел.

Потрогал.

Сухо.

Настоящий след.

Точно такой же белый, как их метки на площадке.

Он выпрямился медленно.

В голове не было паники. Только холодная, очень ясная мысль.

Оно не просто вошло в дело.

Оно уже знало его адрес.

Глава 8

Утро не началось, оно просто стало менее ночным. За шторами висел тусклый серый свет, похожий не на день, а на официальный ответ мира, составленный с явным нежеланием участвовать в твоих проблемах. В квартире было холодно. Не аномально, не так, как на лестничной площадке у ниши. Просто тот бытовой, честный холод ранней осени, который просачивается сквозь стыки оконных рам, заползает в кухню, в коридор, в чашки, в металл дверной ручки и в настроение. Он стоял у входной двери и смотрел на белую полоску у порога так, будто ещё надеялся, что она исчезнет, если дать ей минуту стыда. Но след не исчезал. Сухой, матовый, почти небрежный. Слишком узнаваемый. Тот же строительный маркер. Та же тупая белая линия, которая вчера была способом навязать пространству честность, а теперь лежала у его двери как издевательски вежливый ответ.

Он не стал открывать дверь. Не стал смотреть в глазок. Не стал проверять, нет ли снаружи ещё чего-то. Эта дисциплина далась ему с той самой неприятной ясностью, которая приходит, когда человек уже один раз понял принцип ловушки и теперь готов скорее выглядеть идиотом, чем снова добровольно сунуть в неё голову.

Он взял блокнот, присел на корточки прямо у стены и записал, почти не глядя на страницу:

белая метка перенесена

значит, либо физическое вторжение

либо перенос знака вне прямого контакта

либо оно умеет пользоваться уже введёнными нами символами

Последний вариант нравился ему меньше всего. Если система заимствовала не просто внимание, а ещё и инструменты фиксации, значит, диалог становился тоньше. Намного тоньше.

Он поднялся, прошёл на кухню и включил чайник. Пока вода набирала температуру, он наконец нажал кнопку на телефоне. Экран вспыхнул, ожил, показал пропущенные вибрации. Три сообщения. Все без номера.

Первое: «Ты всё равно подошёл к двери».

Второе: «Это уже ответ».

Третье пришло в 05:13.

«Не смотри вниз слишком долго».

Он уставился на экран, потом медленно положил телефон на стол, будто это был не аппарат, а что-то, способное укусь через стекло. Раздражение пришло почти сразу, и это было хорошо. Раздражение собирало его лучше страха.

Он налил чай, сел и ещё раз пересмотрел вчерашние схемы. Стрелки, заметки, формулы, попытка объяснить меха-

никой то, что с отвращением отвергало любую механику, не основанную на восприятии. Если оно уже достало его дома, значит, география больше не ограничивалась домом на Лесной. Или не ограничивалась никогда, а просто раньше не считала нужным напоминать о себе за пределами исходной точки.

Телефон завибрировал снова. На этот раз обычный звонок. Она.

Он ответил сразу.

— Ты жив.

— Судя по всему, да.

— Звучишь ужасно.

— Спасибо. День только начался, а ты уже внесла в него структуру.

— Не начинай. Что случилось?

Он помолчал секунду.

— У двери след.

Пауза на том конце стала плотной.

— Какой след?

— Белый маркер. Точно такой же, как вчерашние метки на площадке.

— Ты открывал дверь?

— Нет.

— В глазок смотрел?

— Нет.

— Хорошо.

Он усмехнулся сухо.

— Как быстро мы пришли к тому, что способность не смотреть в глазок стала поводом для похвалы.

— Я бы не называла это похвалой. Скорее, временным подтверждением, что ты не окончательно самонадеянный кретин.

— Ты сегодня особенно ласкова.

— Потому что у меня тоже утро началось не как у нормального человека.

Он выпрямился.

— Что у тебя?

— На зеркале в ванной отпечаток пальца. Не мой.

Он ничего не сказал несколько секунд.

— Ты уверена?

— Я живу одна. И я не трогаю зеркало двумя пальцами у самого края, как будто кто-то проверял, насколько поверхность холодная.

— Ты смотрела в него?

— Только на секунду. Потом накрыла полотенцем. Можешь гордиться, я обучаемая.

— Это плохая новость.

— То, что я обучаемая?

— То, что оно расширяет радиус.

Она выдохнула.

— Да. Я уже подумала о том же. Значит, дело больше не в доме как в запертом контейнере. Или мы оба уже вынесли

оттуда достаточно, чтобы контур пошёл за нами.

— Либо сам механизм никогда не был привязан только к адресу. Дом просто был хорошей стартовой геометрией.

— И это мне не нравится даже сильнее, потому что тогда границы нет вообще.

Он встал, подошёл к окну кухни, но шторы не отдёргивал. Просто стоял рядом.

— У тебя планы по племяннику?

— Есть адрес из старой регистрации и новый вероятный по базе соцвыплат. Если не врёт система, он живёт в другом районе. В Заводском. Я уже еду в отдел, возьму машину и потом к тебе. Одна тыкаться не буду.

— Разумно.

— Не зазнавайся. И ещё. Не выходи, пока я не приеду.

Он усмехнулся уже с оттенком усталой злости.

— Это приказ?

— Да.

— Люблю, когда мою жизнь захватывает строгая женщина вместо нечеловеческой аномалии.

— Потерпи, у меня график плотный.

Связь оборвалась.

Он убрал телефон подальше от края стола, закурил у открытого кухонного окна ровно настолько, чтобы дым уходил наружу, и впервые за долгое время подумал не о схеме, а о простом факте вторжения. Квартира всегда была его территорией не из любви, а из функциональности. Стул, стол, ру-

башка на спинке, книги, ключи, шторы, чайник, пепельница. Всё это составляло не уют, а систему нейтральности. И теперь по этой нейтральности кто-то уже провёл линию. Очень тонкую. Очень вежливую. Оттого ещё более мерзкую.

Он не сидел без дела. До её приезда он прошёлся по квартире с блокнотом и составил тупую, почти армейскую опись пространства. Не для красоты. Для фиксации. Порог. Ключница. Чаша для мелочи. Два стула на кухне. Один скол на кружке с синей полосой. Три книги на подоконнике. Полотенце на зеркале. Трещина в плитке у батареи. Лампочка в прихожей. Куртка на крючке. Он писал коротко, без метафор. Сам себе напоминая, что иногда единственный способ не провалиться в чужую оптику это стать на время максимально тупым свидетелем собственного мира.

Когда она приехала, было уже почти десять. Дождь стал мельче, но не прекратился, и её волосы у висков были влажными. Она вошла, не дожидаясь приглашения, осмотрела коридор, белую полосу, потом молча прошла к ванной и приподняла полотенце на зеркале ровно на два сантиметра, не больше.

— Ясно, - сказала она. - Не врёт.

— Ты сомневалась?

— Я сомневаюсь во всём, это профессиональное уродство.

Она отпустила ткань.

— Выглядит так, будто кто-то приложил два пальца и дер-

жал секунду.

— Проверка поверхности.

— Или проверка реакции.

Он кивнул.

— Да.

Она сняла мокрую куртку, повесила на спинку стула и только теперь посмотрела на него внимательно.

— Ты не спал нормально.

— Какое тонкое наблюдение.

— И ты злишься.

— Да.

— Хорошо.

— Почему?

Она открыла папку, положила на стол распечатку с адресом.

— Потому что злость держит форму лучше, чем любая героика.

Он посмотрел на лист.

Племянник Авдеева значился как Илья Воронцов, тридцать один год, временно без официального трудоустройства, адрес в старом кирпичном доме у промзоны. Фото в базе не было. Только сухие строчки. Чем суше документ, тем сильнее он потом раздражает, когда за ним обнаруживается человеческое мясо.

— Поедем сейчас? - спросил он.

— Да. Но сначала ты мне расскажешь всё дословно. Во

сколько заметил, где стоял, что почувствовал до этого, после этого, когда пришли сообщения. И без твоих красивых обобщений. Мне нужна последовательность.

Он налил ей чай, себе второй, и пересказал утро максимально тупо. Встал. Подошёл к двери. Увидел. Не открыл. Ушёл на кухню. Включил телефон. Три сообщения. Звонок ей. Пока говорил, поймал себя на том, что сам начинает слышать, насколько важна эта тупая последовательность. Где начинается отклик. На чём именно фиксируется система.

Она слушала, не перебивая, только иногда делала короткие пометки.

— Что? - спросил он, когда она в третий раз подчеркнула одно и то же слово.

— Ты каждый раз сначала подходишь, а не смотришь.

— И?

— Значит, вход в цикл не обязательно визуальный. Иногда достаточно намерения проверить. Физического приближения. Твой взгляд пока не участвовал, но ответ всё равно уже засчитан.

Он поставил кружку.

— То есть достаточно внутреннего движения к проверке.

— Похоже на то. Взгляд просто самый удобный инструмент. Но не единственный.

— Это делает ситуацию намного хуже.

— Да. Зато честнее.

Они выехали через десять минут. Дорога в Заводской рай-

он шла через старую часть города, где дома становились ниже, грязнее и честнее в своей непрезентабельности. Размытые вывески, шиномонтаж, автомойка, ряды киосков, где продавали кофе, шаурму, чехлы для телефонов и маленькую иллюзию, что всё ещё имеет практическое объяснение. Небо висело низко, грузное, мокрое. Лужи собирались у бордюров в длинные тёмные полосы. Автобусы оставляли за собой в воздухе тяжёлую солярочную гарь.

Она сидела молча почти половину дороги, потом сказала:

— Я думала о зеркале.

— И?

— Отпечаток был не на центре. С краю. Как будто не смотрели в меня. Как будто проверяли саму границу отражения.

— Порог входа.

— Или место сцепки. Не лицо в зеркале важно. А то, что поверхность вообще возвращает мир обратно.

Он кивнул.

— Экран, стекло, глазок, зеркало. Всё, что не просто показывает, а перерабатывает.

— Да. И это объясняет фразу "не ищите лицо". Лицо не нужно. Оно только приманка для проверки. Смысл не в том, что там кто-то стоит. Смысл в моменте, когда ты начинаешь проверять, показалось ли тебе.

— Авдеев это понял.

— Да. Но слишком поздно.

Она повернулась к нему.

— И ещё кое-что. Если это работает через "ответ", то белая полоска у тебя дома и отпечаток у меня не просто вторжение. Это зеркальный жест. Оно отметило наши территории так же, как мы отметили его.

Он почувствовал неприятный, почти физический холод между лопаток.

— Симметрия.

— Именно.

— Ненавижу симметрию в таких вещах.

— Я вообще сейчас много чего ненавижу.

И это было правдой. Не красивой, не жанровой. Очень земной правдой двух людей, которые ещё вчера расследовали убийство, а сегодня уже были втянуты в форму контакта, где бытовые предметы начали вести себя как реплики.

Дом, где жил Воронцов, стоял на улице с названием, которое город давно перестал уважать. Пятиэтажка из красного кирпича, облезлая, с мокрыми потёками под окнами, с асфальтом, разорванным корнями деревьев, и детской площадкой, где турник был ржавее, чем металл в старом морге. Во дворе стояли три машины, одна без номера, как будто кому-то уже было лень делать вид, что собственность ещё имеет значение. У подъезда пахло мокрым табаком, супом и кошачьей мочой. Почти успокаивающе обычный набор.

Они поднялись на четвёртый этаж. У двери квартиры, где жил Воронцов, висел дешёвый металлический номер, при-

крученный криво. Под ковриком торчал уголок рекламы микрозаймов. Она нажала звонок. Изнутри сначала ничего не было, потом зашаркали шаги, и дверь открылась примерно на цепочку.

На них посмотрел мужчина лет тридцати с немного впалыми щеками, щетиной двухдневной усталости, в серой футболке и с тем настороженным, чуть злым взглядом человека, который давно никого хорошего через дверной глазок не видел.

— Да?

Она показала удостоверение.

— Полиция. Нам нужно поговорить об Авдееве Романе Сергеевиче.

Его лицо изменилось мгновенно. Не сильно. Но этого хватило. Взгляд сначала ушёл в сторону, потом вернулся, потом стал холоднее.

— Я не общаюсь по этому поводу.

— Почему? - спросил он.

— Потому что нечего.

— А если мы всё равно спросим?

Мужчина сжал зубы.

— Тогда я скажу, что не знаю.

Она вмешалась мягче:

— Мы расследуем смерть трёх человек на Лесной, двадцать три.

Цепочка не открылась, но рука на двери ослабла.

— Это не мои проблемы.

— Пока возможно да, - сказала она. - Но у нас есть основания считать, что они связаны с тем, что происходило там двенадцать лет назад.

Пауза.

Очень длинная.

Потом он тихо сказал:

— Вы тоже уже начали?

Он и она переглянулись. Вопрос был слишком точным, чтобы оставлять иллюзии.

— Что именно? - спросил он.

Цепочка звякнула. Дверь закрылась. На секунду показалось, что разговор окончен. Но сразу потом замок щёлкнул снова, дверь открылась шире.

— Заходите, - сказал Воронцов. - Только обувь не снимайте. У меня полы грязные и бесить меня этим не надо.

Квартира была маленькая, съёмная на вид, с дешёвой мебелью и попыткой скрыть хаос, которая давно проиграла самому хаосу. Стол у окна завален кружками, кабелями, старым ноутбуком, пачками сигарет и аптечными блистерами. На сушилке бельё. У стены гитара без двух струн. На подоконнике засохший базилик в пластиковом стаканчике из-под сметаны. Запах кофе, табака и лекарства от тревоги. Мир человека, который как-то живёт, но не делает из этого эстетики.

Воронцов не предложил сесть. Сам сел на край дивана,

сцепив руки.

— Сразу. Я не был у него, когда он умер. Я не видел тела. И если вы пришли за красивой семейной драмой, у меня для вас ничего нет.

— Мы пришли не за красивым, - сказал он. - Нам нужна точность.

— Тогда вам не ко мне. У меня с этим всё плохо.

Она села на стул у окна, но не слишком близко к стеклу. Он отметил это автоматически. Хорошо. Учится не только он.

— У вас сохранились рисунки? - спросила она.

Воронцов резко поднял голову.

— Какие рисунки?

— Детские. Из квартиры Авдеева.

Он увидел, как в лице мужчины на секунду проступила почти животная неприязнь.

— Вы лазили в его вещах.

— Да, - спокойно ответила она. - И нашли рисунок с подписью "дядя в коридоре".

Воронцов провёл рукой по рту.

— Чёрт.

Он наконец вмешался:

— Нам нужна версия без вашей самообороны. Вы там были ребёнком. Вы что-то видели. И если сейчас снова началось, это уже не вопрос семейного стыда.

Тот смотрел на него несколько секунд, будто решал, ко-

го перед собой видит. Очередного формального ублюдка с протоколом или человека, который уже достаточно глубоко провалился, чтобы перестать задавать дурацкие вопросы.

— С чего вы решили, что это снова началось? - тихо спросил Воронцов.

Он достал из папки копию рисунка. Потом фото объяснительной Авдеева. Потом распечатку с фразой из ниши. Положил перед ним.

Мужчина не взял листы в руки. Только смотрел.

— Ну да, - сказал он наконец. - Значит, да. Началось.

Она спросила:

— Расскажите всё по порядку.

Он усмехнулся без радости.

— По порядку? Хорошо. Я был маленький. Лет десять или одиннадцать. Меня мать иногда оставляла у него, когда у неё были смены. Он жил один. Очень тихий. С книгами, с чаем, с этими его дурацкими шарфами, хотя в квартире всегда было жарко. Хороший был. Нормальный. Слишком вежливый даже. Я сначала любил к нему ездить, потому что у него были энциклопедии с картинками и старый проектор для диафильмов. А потом началось.

Он замолчал. Не для эффекта. Просто подбирал не слова, а степень допуска.

— Что началось? - спросила она.

— Проверки. Сначала он спрашивал, не кажется ли мне, что на площадке кто-то стоит. Потом заставлял смотреть в

глазок и сразу говорить, что я вижу. Не думать. Не проверять. Сразу говорить. "Стена". "Лестница". "Пусто". "Окно". Как диктант для идиотов.

Он смотрел в пол.

— Однажды я ошибся. Или не ошибся. Я увидел там... фигуру. Не человека даже. Просто что-то вертикальное. И не сказал сразу, потому что хотел понять. Он так на меня заорал, что я потом неделю заикался.

— Что именно он сказал? - спросил он.

Воронцов закрыл глаза.

— "Не жди, пока оно ответит". Вот что он сказал.

В комнате стало очень тихо. Даже холодильник на кухне будто перестал гудеть.

— Он объяснял, что это такое? - спросила она.

— Сначала нет. Потом начал. Но всё у него было как у психа, который слишком долго разговаривал с умной плесенью. Он говорил, что это не стоит в коридоре. Что оно не "там". Что коридор только удобное место для возврата. Я тогда не понимал вообще ничего. Думал, у дяди сдвиг. А потом однажды он отвёл меня к окну на втором этаже. В том доме. И сказал: "Если я спрошу, смотри ли ты, отвечай не мне, а себе. Сразу". Как такое ребёнку вообще объяснять?

Он сжал руки сильнее.

— Я посмотрел. И сначала ничего не было. Просто стекло, двор, гаражи, дождь. А потом в отражении стало видно, что за мной в коридоре кто-то стоит. Но я знал, что сзади

никого нет. И вот тут самое мерзкое. Ты не пугаешься сразу. Ты сначала хочешь проверить. Просто проверить. Это же логично. И именно в этот момент оно как будто... цепляется.

Он поднял на них взгляд.

— Вы понимаете, о чём я?

— Да, - сказал он.

— К сожалению, да, - добавила она.

Воронцов кивнул, будто получил необходимое и минимальное подтверждение, что не сидит сейчас с очередными цивилизными идиотами.

— После этого он стал хуже. Дядя. Не совсем сумасшедшим. Скорее, слишком собранным. Как человек, который всё время удерживает что-то руками, только внутри головы. Он заклеил зеркала газетой. Вытащил батарейки из пультов. На окна вешал ткань, чтобы не оставалось чистых отражений. Заставлял меня повторять названия предметов, если замечал, что я "залипаю". Так и говорил. "Не залипай". Если я задумывался у стекла, он сразу начинал: "Стол. Дверь. Кружка. Книга". И заставлял повторять.

Он невольно усмехнулся.

— Тогда мне казалось, что он просто старый больной псих, который решил воспитывать из меня военного связиста.

— А потом? - спросила она.

— Потом я перестал к нему ездить. Мать поссорилась с ним. Он ей попытался что-то объяснить, а она вызвала врача.

После этого я видел его ещё два раза. В последний раз он был уже как высохшая проволока. Говорил, что "оно стало отвечать быстрее". Потом его нашли.

Он замолчал.

Он не торопил. Молчание здесь работало лучше нажима.

— Вы верите, что он повесился сам? - спросил он наконец.

Воронцов очень медленно посмотрел на него.

— Формально? Да. Физически он сделал это сам. Но вопрос же не в этом, да?

— Да.

— Тогда нет. Не верю. К тому моменту он уже слишком долго жил в системе, где "сам" и "не сам" перестают быть чистыми словами.

Она спросила:

— Почему вы не рассказали это тогда?

Мужчина хмыкнул. Без веселья.

— Кому? Матери, которая и так считала, что её брат "начитался и сбрендил"? Участковому? Психиатру? У меня самого после этого лет пять была привычка не стоять у зеркал в темноте. Я не хотел, чтобы мне объяснили, что я унаследовал семейный бред.

Он встал, прошёл на кухню и вернулся с пачкой сигарет. Закурил прямо в комнате, не спросив. Правильно. В некоторых разговорах разрешение на дым хуже мата.

— Но кое-что я всё-таки сохранил, - сказал он.

Он подошёл к комоду, выдвинул нижний ящик, порыл-

ся среди проводов, квитанций, старых флешек и достал маленький ключ. Потом открыл шкаф у двери и вынул оттуда жестяную коробку из-под печенья. Внутри лежали фотографии, свёрнутый шарф, детская машинка без колеса и тонкая тетрадь в чёрной обложке.

— Это его, - сказал Воронцов и положил тетрадь на стол. - Забрал тогда, когда мать разбирала квартиру. Не знаю зачем. Наверное, потому что уже тогда понимал, что выкидывать это нельзя. Но и читать долго не мог. Там чем дальше, тем хуже.

Он открыл тетрадь наугад.

Почерк Авдеева был вначале аккуратным, почти учительским. Потом начинал ломаться, становился рваным, местами слишком мелким, местами наоборот крупным, как будто рука теряла единый ритм.

На первой открытой странице было написано:

«Если оно уже отражено, поздно проверять, реально ли оно сзади. Вопрос не в том, есть ли фигура. Вопрос в том, принял ли ты приглашение сверить слои».

Он почувствовал, как внутри всё неприятно совпадает. Слишком точно. Слишком близко к их нынешним выводам.

Она медленно перелистнула страницу.

«Ошибка тех, кто считает это образом: они ищут содержание. А оно существует как процедура».

— Вот, - тихо сказала она. - Вот что мы всё время пытались сформулировать.

— Да.

Воронцов сел обратно.

— Он писал так целыми днями под конец. Словно делал инструкцию не для спасения, а чтобы хотя бы кто-то после него понял, что это не "призрак в коридоре". Он вообще терпеть не мог, когда это называли чем-то антропоморфным. Говорил, что чем больше ищешь в этом лицо, тем больше сам становишься частью механизма лица. Я тогда ничего не понимал, но фразу запомнил, потому что она звучала как полная дрянь.

Он перевернул ещё несколько страниц. В середине тетради было много коротких записей, почти тезисов:

«Не отвечать повторением».

«Не пытаться проверить другим углом».

«Свидетель лучше одиночки».

«Называть вещь до того, как она станет значением».

«Глазок опасен не из-за узости. А из-за обещания ясности».

Они читали молча. Воронцов не мешал. Сидел, курил, смотрел в пол, как человек, который всю жизнь избегал собственных воспоминаний и теперь вынужден снова впустить их в комнату.

Наконец она спросила:

— А почему вы сказали нам у двери: "Вы тоже уже начали?"

Он поднял взгляд.

— Потому что у вас одинаковые лица.

— Что?

— У людей, которые уже внутри этого дерьма, появляется одна и та же вещь. Не страх. Не усталость. А такой... раздражённый контроль. Как будто вы всё время в полшага от того, чтобы обматерить пространство. У дяди под конец было такое лицо.

Он усмехнулся.

— Прекрасно.

— Это не оскорбление, - сказал Воронцов. - Это просто факт. Вы уже говорите с этим не как наблюдатели. А как участники, которым очень не нравится регламент.

Она медленно закрыла тетрадь.

— Вы сами сейчас что-нибудь замечаете?

Вопрос ударил в цель. Он ответил не сразу.

— Иногда. Не как тогда. Не в полный рост. Скорее периферией. Телевизор ночью не оставляю. Зеркало в прихожей заклеено матовой плёнкой. Это смешно звучит, да?

— Нет, - сказал он.

— Хорошо. Потому что мне давно уже не до смеха на эту тему. Иногда приходит ощущение, что если я долго смотрю на экран, особенно когда он гаснет и остаётся только моя тёмная морда, там как будто кто-то ждёт, проверю ли я ещё раз. Но я не проверяю. Научился.

Она спросила:

— Почему не позвонили никому, когда слышали про три

смерти?

Воронцов улыбнулся, и улыбка была почти красивой в своей усталой горечи.

— А кому бы я позвонил? "Здравствуйте, у вас снова, возможно, процедурная сущность на отражательных поверхностях". Очень рабочий звонок.

Он взял тетрадь, перелистал ближе к концу. Последние страницы были исписаны уже почти конвульсивно. Среди строк, подчёркнутых по несколько раз, одна сразу ударила в глаза:

«Оно не хочет войти. Оно хочет, чтобы ты сам перестал различать вход и ответ».

Он молча повернул тетрадь к ней. Она прочитала и тихо выругалась.

— Вот почему три тела лежали так, - сказала она. - Не борьба. Не вторжение. А уже размытая граница решения.

— Да, - сказал он.

Воронцов смотрел на них обоих очень внимательно.

— Вы серьёзно думаете, что это связано с теми смертями?

— Мы уже не думаем, - ответил он. - Мы почти уверены.

— Тогда вам нужна ещё одна вещь.

Он подошёл к шкафу, достал старую рамку без стекла. Внутри была фотография. Окно на площадке. Снято с лестницы, явно старой плёночной мыльницей. В отражении стекла смутно виден сам Авдеев и рядом, у края, вертикальное тёмное искажение. Не фигура. Не человек. Просто кусок

неправильной глубины.

— Это он сделал за месяц до смерти, - сказал Воронцов. - Потом носил с собой как идиотский трофей. Говорил, что это не доказательство, а ошибка. И что ошибка важнее доказательства, потому что её ещё можно расковырять.

Он взял фото осторожно. Бумага была старая, углы затёрты. Но изображение читалось. Искажение у края не было впечатляющим. Наоборот. Почти ничтожным. Именно поэтому и опасным. Оно не пугало. Оно просило проверить. Ещё раз посмотреть. Приблизить. Убедиться, не просто ли это брак плёнки.

Он сразу положил фото на стол лицом вниз.

— Правильно, - сказал Воронцов. - На это очень легко залипнуть.

Она обратилась к нему:

— Можно мы заберём тетрадь и фото официально? Под расписку. Сегодня же оформим.

— Забирайте. Мне уже давно не нужны вещи, которые ночью начинают выглядеть как продолжение разговора.

Он кивнул.

— И ещё. Нам нужно знать всё про тот день, когда он показал вам окно и глазок. Любую мелочь. Погода, запах, что он говорил до, после, что было на площадке. Всё.

Воронцов закрыл глаза, втянул дым, медленно выдохнул.

— Дождь был. Мелкий. Как сегодня. На площадке пахло мокрой штукатуркой и кошачьей мочой. Лампа мигала. Он

держал меня за плечо слишком сильно. И всё время повторял: "Если увидишь лишнее, не проверяй это взглядом. Сразу скажи, на чём стоишь". Тогда я не понял. А потом понял. Он не просил назвать, что я вижу. Он просил назвать, где я нахожусь.

Они оба замерли. Это было новым. Не совсем новым, но уточняющим.

— То есть не объект, а позицию наблюдателя, - сказала она.

— Да, - ответил он. - "Я на площадке". "Я у двери". "Я стою на третьей ступени". Такое. Он говорил, что если не назвать своё место, оно начнёт подменять тебе точку, откуда ты смотришь. Сначала чуть-чуть. А потом всё.

Он почувствовал, как по спине медленно проходит тот самый холод, который приходит не от мистики, а от точного совпадения фрагментов.

— Поэтому перило, - сказал он.

— Что? - спросила она.

— Поэтому вчера сдвинулась метка на периле, а не на плитке и подоконнике. Плитка и подоконник были якорями предметов. Перило было якорем маршрута. Перехода. Линии, откуда смотрят и куда идут.

Она быстро записывала.

— Значит, у нас два слоя фиксации. Предметный и позиционный.

— Да.

Воронцов усмехнулся невесело.

— Поздравляю. Вы начали собирать учебник.

— Мы бы предпочли инструкцию по уничтожению, - ответил он.

— Такой у дяди не было.

Они просидели у Воронцова ещё почти час. Вытащили из него всё, что могли. Про привычки Авдеева, про газетами заклеенные зеркала, про то, как он переставлял мебель, чтобы в доме было меньше чистых углов обзора, про его странную привычку выключать телевизор в розетке, но оставлять рядом включённую настольную лампу с матовым абажуром, "чтобы не оставалось пустого чёрного прямоугольника". Про то, как он в последние недели начал писать на стикерах простые фразы и клеить их по квартире: «кухня», «стол», «дверь», «я здесь». Всё это раньше выглядело как частное безумие. Теперь складывалось в дисциплину сопротивления.

Когда они вышли, день уже проваливался в ранние сумерки. Двор был серым, мокрым, бесприютным. Он сел в машину и долго не заводил. Тетрадь лежала между ними на сиденье как маленький чёрный орган чужой памяти.

Она сказала:

— Нам придётся вернуться туда сегодня.

— Да.

— И уже не просто смотреть.

— Да.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Но теперь у нас есть хоть что-то кроме раздражения и профессионального высокомерия.

Он чуть усмехнулся.

— У меня и раздражение, и высокомерие всё ещё в комплекте.

— Не сомневалась.

Она взяла тетрадь и открыла на последней странице, которую они не успели нормально прочесть. Там, почти в самом низу, была строка, написанная так, будто ручка почти не держалась в пальцах:

«Если дойдёт до ответа у твоей двери, значит, оно уже считает, что ты живёшь в его продолжении».

Они молчали.

Потом она очень тихо сказала:

— Покажи свою белую метку ещё раз, когда вернёмся.

Он повернул голову.

— Зачем?

— Потому что мне кажется, дело не только в следе.

— А в чём?

Она закрыла тетрадь.

— В том, где именно она проведена. У порога. На границе входа. Оно не просто пришло. Оно обозначило, где для него теперь начинается твоя сторона.

Он завёл двигатель. Мотор отозвался грубым, честным

урчанием. Обычный звук. Почти успокаивающий.

— Значит, вечером снова Лесная, - сказал он.

— Да.

— И на этот раз мы пойдём туда не как люди, которые хотят доказательств.

— А как?

Он посмотрел в лобовое, на двор, на лужи, на детские качели, на окна, в которых уже зажигались жёлтые прямоугольники чьих-то ужинов, ссор, сериалов и обыденности.

— Как люди, которым нужно сломать процедуру.

Она кивнула.

— Хорошая формулировка.

— Не привыкай. Вечером я снова стану невыносим.

— Ты уже.

— Прекрасно. Значит, стабильность ещё существует.

Они выехали со двора в густеющий сырой вечер, и город принял их обратно той же раздражающей нормальностью. Светофоры, аптеки, булочные, мокрые шапки прохожих, автобусы, запах бензина и дождя. Но теперь между этой нормальностью и ими лежала тетрадь мёртвого человека, который слишком долго пытался удержать границу между взглядом и ответом. И оба уже понимали, что к ночи им придётся не просто читать его слова. Придётся проверить, можно ли чужую дисциплину сделать своей быстрее, чем чужая процедура сделает своей их самих.

Глава 9

К вечеру город стал выглядеть так, будто его кто-то долго мял влажными руками и потом небрежно бросил обратно на карту. Свет фонарей расплзался по мокрому асфальту длинными нервными полосами, витрины аптек и круглосточных кофеен светились с тем вымученным оптимизмом, который годится только для бессонницы, гастрита и дешёвых решений, а небо висело низко, плотное, серое, словно уже решило, что над этим местом не стоит тратить лишнюю глубину. Машина шла по проспекту ровно, без рывков. Дворники монотонно снимали со стекла тонкий, мерзкий дождь, который не создавал драматичности, а только делал всё вокруг чуть более липким, чуть более сомнительным, чуть менее устойчивым. Он вёл молча. Она листала тетрадь Авдева, не как текст, а как хирург читает запись предыдущей операции, заранее понимая, что пациент всё равно умер, но надеясь вытащить из его агонии полезную инструкцию.

На коленях у неё лежали распечатки, сделанные уже по дороге. Копии последних страниц, набросанные их пометки, два листа с попыткой собрать из чужого безумия рабочий протокол. Бумаги чуть шуршали на поворотах. Он слышал этот звук краем внимания и почему-то цеплялся за него сильнее, чем за собственное дыхание. Бумага была тупой, механической, конечной. Хорошая вещь. Полезная. Намно-

го честнее многих людей и уж точно честнее того, с чем им предстояло снова встретиться.

— Я всё ещё думаю про формулировку "назови, где ты находишься", - сказала она, не отрывая взгляда от тетради.

— Да.

— Это не просто якорь. Это прямое восстановление позиции наблюдателя. Не "что я вижу", а "откуда я это вижу".

— Да.

— И если позиция расползается раньше образа, значит, объект вообще вторичен.

Он бросил на неё короткий взгляд.

— Ты говоришь это уже почти без злости.

— Неправда. У меня внутри сейчас достаточно злости, чтобы отапливать малый районный суд.

— Это хорошая единица измерения.

— Спасибо.

Она перевернула страницу.

— Смотри. Вот ещё. Здесь он пишет: "Не стой там, где тебя удобно вернуть". Что это, по-твоему?

Он чуть сильнее сжал руль.

— Узкие коридоры. Лестничные площадки. Глазок. Стекло. Всё, где ты уже находишься внутри готовой рамки.

— То есть сама архитектура как матрица возврата.

— Да.

— Тогда мы не просто идём в дом. Мы идём в машину, уже собранную против человека.

— Очень воодушевляет.

— Это не моя задача.

Она откинулась на спинку сиденья, посмотрела в боковое окно, но не прямо в отражение. Научились. Уже само это было до отвращения красноречиво. Некоторые формы ужаса очень быстро воспитывают правильные привычки.

— Я ещё думаю о белой полоске у твоей двери, - сказала она. - И об отпечатке у меня на зеркале. Это ведь не просто симметрия. Это перевод поля. Оно не только пошло за нами. Оно попыталось собрать у нас дома те же типы границ. Порог. Отражение. То есть оно либо размечает возможные точки входа, либо уже тестирует, как далеко можно расширить процедуру.

— Да.

— И мне это очень не нравится.

— Это я уже понял.

— Я не ради повтора. Я фиксирую уровень ненависти.

— Полезная шкала.

Она скривилась и снова опустила взгляд в тетрадь.

— Авдеев был лучше нас.

— В каком смысле?

— В дисциплине. Он понял это раньше и жил дольше внутри контакта, не распавшись полностью сразу. Значит, у него были работающие практики.

— А потом всё равно не хватило.

— Да. Потому что одного понимания и даже дисциплины

мало, если ты один.

Он кивнул. Это совпадало слишком точно с тем, что они уже видели. Одиночка внутри такой системы неизбежно начинает спорить не с объектом, а с собственной головой. А голова всегда проигрывает тому, что умеет маскироваться под сомнение.

— Поэтому свидетели, - сказал он.

— Да. И поэтому, возможно, три человека в той квартире стали жертвами одновременно. Не потому что группа сильнее. А потому что группа даёт больше поводов для взаимной проверки. Один увидел, второй переспросил, третий подошёл ближе. И цикл включился сразу на всех.

— Очень оптимистичная картина семейного вечера.

— Я и не обещала уют.

Они свернули на Лесную. Улица выглядела так же, как вчера, и это уже начинало бесить особым видом насмешки. Мокрые деревья, рыхлый свет фонарей, грязь у бордюров, окна с занавесками, за которыми шевелились чьи-то привычные, бессмысленно живые силуэты. Дом на углу стоял тёмной прямоугольной массой, почти не отличимой от других. Именно в этом и был его главный разврат. Никакой готики. Никакой специальной злобности фасада. Обычный жилой организм, производящий супы, ссоры, кредитные долги, сон и редкие смерти. И внутри этого организма уже давно кто-то научился пользоваться самыми бытовыми функциями реальности как инструментами подмены.

Они припарковались во дворе. Дождь почти кончился, только с карнизов ещё текло и капало в лужи с той тупой настойчивостью, которая всегда раздражает в межсезонье. У подъезда никого не было. Пиджак с окна второго этажа сняли. Он отметил это сразу.

— Кто-то убрал ткань, - сказала она.

— Да.

— Ты снимал?

— Нет.

Пауза.

— Прекрасно.

Он заглушил двигатель, но из машины не вышел сразу. Достал из бардачка маркер, клейкую бумажную ленту, фонарь с матовым фильтром, две маленькие карточки, на которых крупно, тупо, почти оскорбительно было написано: «я здесь» и «второй этаж». Он делал их уже после разговора с Воронцовым, на автопилоте, почти с яростью. Максимально грубые якоря. Минимум символизма. Чистая функция.

Она посмотрела на карточки и кивнула.

— Хорошо.

— Да.

— Ещё что?

Он показал ей верёвку с прищепками, тонкий рулон матовой плёнки, кусок ткани, который можно было набросить на стекло, и диктофон.

Она приподняла бровь.

— Ты серьёзно.

— К сожалению.

— Почему диктофон?

— Потому что если verbalизация позиции важна, нам нужен внешний носитель последовательности, который можно потом переслушать и не спорить с памятью.

— Хорошо. Это умно.

— Не надо. Мне неприятно, когда ты подтверждаешь мою функциональность в момент приближения к inferнальной процедуре.

— Уж прости.

Они вышли из машины. Воздух был холоднее, чем днём, и пах мокрым цементом, землёй, разогретым за день железом и чем-то ещё, очень тонким, почти на границе различимости. Металл. Тот самый. Он уже не пытался делать вид, что не замечает.

Перед входом он остановился.

— Повторим, - сказал он.

Она кивнула.

— Никаких проверок вторым взглядом. Никаких "показалось ли". Не смотреть в отражения. Не смотреть в глазок. Называть позицию и предметы.

— Если кто-то из нас начинает залипать, второй сразу возвращает.

— Грубо. Без красивых формулировок.

— Да.

— Если придёт сообщение, не читаем сразу.

— Да.

— Если пространство начинает плыть, фиксируем ноги, положение тела, этаж, ближайший предмет.

— Да.

Он посмотрел на её лицо. Усталое. Жёсткое. Сосредоточенное. И в этой сосредоточенности было уже нечто военное. Не героическое. Именно военное. Неприятная, дисциплинированная готовность иметь дело с механизмом, который тебе омерзителен.

— Всё ещё можешь уйти, - сказал он.

Она посмотрела на него без тени улыбки.

— Не оскорбляй меня такими предложениями.

— Ладно.

Они вошли в подъезд.

Сразу стало теплее. Но это было не то тепло, которое даёт уют. Скорее, то, которое появляется в закрытом месте, слишком долго набитом человеческим дыханием, паром от готовки, мокрой обувью и усталостью. Лампа на первом этаже горела ровно. Почтовые ящики блестели облупленной краской. На стене висело объявление о замене стояков. Кто-то нарисовал на нём шариковой ручкой неприличную морду с пустыми глазами.

Он нажал на диктофоне запись.

— Время девятнадцать ноль четыре, - сказал он ровно. - Мы в подъезде дома на Лесной, двадцать три. Первый этаж.

Я стою у почтовых ящиков.

Она продолжила сразу:

— Я стою справа от него, у стены с домофоном. Пол сухой у двери. Лампа работает.

Он кивнул и пошёл вверх. Не быстро. Очень ровно. На каждом пролёте они проговаривали место. Первый этаж. Между первым и вторым. У перил. У окна. Второй этаж. У щитка. У стены. Всё это со стороны могло выглядеть как самый жалкий перформанс в истории полицейской службы. Но жалость была роскошью. Они её не брали.

Когда дошли до второго этажа, воздух изменился почти сразу. Небольшой сдвиг. Но достаточно узнаваемый. Становилось чуть холоднее у лица, словно стекло у окна не просто отдаёт сыростью, а тянет глубину из другого слоя дома. Он не повернулся к стеклу прямо. Держал взгляд чуть левее, на выцветшем пятне краски у откоса.

— Второй этаж, окно слева, - сказал он.

— Я стою у стены. Между мной и окном примерно метр, - ответила она.

Он приклеил карточку «второй этаж» к стене чуть ниже лампы. Белый прямоугольник с жирными буквами выглядел здесь почти неприлично тупо. Отлично. Именно этого и хотелось.

— Хорошо, - сказала она.

— Да.

Он снял с плеча ткань и накинул на окно так, чтобы за-

крыть большую часть отражающей поверхности. Потом закрепил прищепками за ручку рамы и батарею.

— Вот теперь лучше, - пробормотала она.

— Не факт. Но честнее.

У ниши они остановились. Панель стояла на месте, как будто вчерашнее не происходило вовсе. Но белая метка на периле всё ещё была сдвинута. Чуть ниже. Всё так же мерзко.

Он включил фонарь на минимальный рассеянный режим. Не направляя в щель, а давая просто матовое пятно на стене.

— Сначала позиция, - сказал он.

— Я стою у окна второго этажа. Спиной к стене. Слева ткань. Справа ты, - проговорила она.

— Я стою перед нишей, но не смотрю в щель. Ноги на серой плитке, левая у трещины, правая у метки.

Пауза.

Потом он очень осторожно поддел панель. Не полностью. Ровно настолько, чтобы открыть узкую линию тьмы внутри. Холод вышел сразу. Сухой. Неприятно организованный.

— Открыл, - сказал он.

— Я слышу, - ответила она.

Он не смотрел внутрь прямо. Держал взгляд на металлическом крае рамки и использовал периферийное зрение только как подсказку. Чёрный круг там был. Уже ждал. И почему-то теперь выглядел не глубже, а ровнее. Как если бы научился изображать стену лучше.

— Запись есть? - спросила она.

— Да.

— Тогда читаем по тетради.

Она открыла копию на нужной странице и начала вслух, ровно, без выражения:

— "Если оно уже отражено, поздно проверять, реально ли оно сзади. Вопрос не в том, есть ли фигура. Вопрос в том, принял ли ты приглашение сверить слои".

Он слушал, и по мере чтения ощущение давления в воздухе не усиливалось. Наоборот. Оно становилось раздражённое. Это почти физически чувствовалось. Не в форме удара. В форме мелкого, мерзкого сопротивления, словно система не любила, когда о ней говорят не как о чуде, а как о процедуре.

— Ещё, - сказал он.

Она перевернула страницу.

— "Ошибка тех, кто считает это образом: они ищут содержание. А оно существует как процедура".

Из щели тихо, почти неслышно, шевельнулся звук. Не голос. Не шёпот. Как будто ногтем провели по внутреннему металлу.

Он не дёрнулся.

— Слышал, - сказал он.

— Да.

— Я на втором этаже. У ниши. Смотрю на край панели. Не внутрь.

— Я у окна. Смотрю на бумагу. Не в стекло.

Он медленно, очень медленно приподнял фонарь и осветил не чёрный круг, а надпись Авдеева на внутренней рамке. Буквы были на месте: «Не в глазке. В ответе».

— Она на месте, - сказал он.

— Читай позицию ещё раз, - сказала она.

— Я на втором этаже. Перед нишей. Слева окно, закрыто тканью. Справа перила. Под ногами плитка.

Потом добавил уже себе:

— Это щель в металлической панели. За ней старая полость. Я вижу край рамки. Надпись на металле. Три кабеля слева. Монтажную пену внизу.

Как только он перешёл на эту грубую предметность, внутри щели что-то как будто сместилось. Нет, не объект. Именно характер тьмы. Слишком быстрое изменение для пустого пространства. Ему понадобилась вся дисциплина, чтобы не поднять фонарь выше и не проверить. Внутри буквально дёрнуло желание убедиться. Чистое. Чёткое. Логичное. Вот оно. Рабочий крючок.

— Я хочу проверить, - сказал он вслух.

— Не надо, - мгновенно ответила она.

— Я знаю. Просто фиксирую.

— Хорошо. Это уже ответный импульс. Не кормим.

Он кивнул, хотя ей этого не было видно. Потом почувствовал, как справа от него, со стороны лестницы, пространство стало длиннее. Очень знакомое ощущение. Как вчера. Будто до следующего пролёта вдруг прибавили лишнюю глу-

бину.

— Лестница плывёт, - сказал он.

— Не смотри туда. Называй.

— Я на месте. Лестница справа. Перила справа. Свет сверху. Ткань у окна неподвижна.

— Я на месте. Бумага в руках. Стена за спиной. Воздух холоднее у лица.

Ткань на окне дрогнула.

Не от сквозняка. Слишком локально. Как если бы её тронули с внутренней стороны отражения.

Они оба это слышали.

— Не смотреть, - сказала она сразу.

— Да.

Он достал матовую плёнку и, не подходя вплотную к стеклу, дополнительно закрыл нижний угол окна, тот самый, где вчера в отражении возникала фигура. Всё это он делал, глядя не на стекло, а на свои пальцы и край плёнки. Мелкое, унижительное ремесло. И именно оно сейчас казалось единственно достойной формой сопротивления.

— Что дальше? - спросила она.

Он открыл блокнот, где уже была выписана последовательность из тетради.

— Попробуем позиционную фиксацию на круге.

— В смысле?

— Не что он такое. Где он находится относительно нас.

— Это опасно.

— Всё здесь опасно.

— Очень убедительный аргумент.

Он выдохнул.

— Хорошо. Не "что". Только "где". Если Авдеев прав, ему важно подменять не объект, а место наблюдателя. Значит, если мы опишем его как неподвижную точку внутри уже открытой полости, не давая ему сместиться в отражение или "за спину", может сработать.

Она подумала секунду.

— Ладно. Но коротко.

Он опёр фонарь на край стены так, чтобы свет ложился сбоку.

— Чёрный круг находится внутри ниши, за металлической рамкой. Не на лестнице. Не у окна. Не сзади меня.

Пауза.

Ничего.

Потом она повторила:

— Чёрный круг находится внутри полости. Не в стекле. Не на площадке. Не рядом со мной.

И в этот момент изнутри ниши донёсся тихий, влажный треск. Как будто что-то очень старое поддалось не силе, а определению.

Он почувствовал, как под кожей пробегает холодная волна.

— Ещё раз, - сказал он.

— Ты уверен?

— Нет. Но ещё раз.

Она читала уже жёстче:

— Он внутри полости. За металлической рамкой. Не в отражении. Не в коридоре. Не за спиной.

Он добавил:

— Я стою на втором этаже. У панели. Я не внутри. Он внутри. Я снаружи.

На слове «снаружи» внутри ниши что-то коротко и зло щёлкнуло. Не кабель. Не металл. Как будто процедура дала сбой и сама это заметила.

Они переглянулись мгновенно. Осторожно. Без длинного взгляда. Просто отметили.

— Это было, - сказала она.

— Да.

— И ему не понравилось.

— Да.

У него внутри поднялась очень опасная, очень человеческая вещь. Воодушевление. Он сразу почти возненавидел её. Воодушевление заставляет торопиться. А торопливость внутри такой системы это почти форма самопредательства.

— Медленно, - сказал он себе.

— Что? - спросила она.

— Ничего. Фиксирую.

Он снова посмотрел на надпись Авдеева и вдруг заметил ещё кое-что. Чуть ниже основного текста, почти в самом углу, была ещё одна царапина, слишком слабая, чтобы вчера

её увидеть. Он придвинул свет, но не взгляд.

— Здесь ещё текст, - сказал он.

— Читаешь?

— Попробую.

Слова выступали медленно, рваными штрихами.

«Пока оно внутри, ты ещё можешь быть снаружи».

Они оба несколько секунд молчали.

— Это не инструкция, - сказала она.

— Нет. Это предел.

— То есть как только граница "внутри-снаружи" стирается, всё хуже.

— Да.

Она быстро записала это в блокнот.

И тут с первого этажа хлопнула дверь подъезда.

Обычный звук. Но в доме, где уже один раз обычные шаги оказались опасной примесью к общей картине, любой нормальный звук теперь сначала раздражал, а уже потом успокаивал.

Послышались голоса. Мужской и женский. Слишком живые, слишком бытовые. Кто-то ругался из-за пакетов, кто-то смеялся. Супружеская усталость, донесённая до площадки вместе с запахом мокрой одежды и магазина.

— Чёрт, - сказала она.

— Да.

Пара поднималась. Им пришлось отойти от ниши. Он быстро закрыл панель, убрал фонарь, она сложила бумаги.

Всё это заняло несколько секунд, но сами эти секунды ощущались как оскорбление. Механизм, который они почти начали ломать, вынужденно прерывался ради чужой продуктовой бытовухи.

На второй этаж поднялись мужчина и женщина лет сорока. У женщины в руках был пакет с хлебом и курицей-гриль. У мужчины - ящик с чем-то тяжёлым, судя по походке. Они посмотрели на них без особого интереса. На людей с проверками, бумажками и сосредоточенными лицами жильцы давно научились смотреть как на один из погодных режимов.

— Опять полиция? - спросила женщина.

— Да, - ответила она раньше него.

— Ну смотрите там, - сказала та. - А то у нас тут и без вас света нет-нет, да дурит.

Мужчина рядом буркнул:

— Пойдём уже.

Они прошли мимо, и именно в этот момент случилось то, чего он опасался сильнее всего. Женщина машинально, на рефлексе, бросила взгляд на закрытое тканью окно. Короткий, пустой, почти безмысленный. Но взгляд был.

Он увидел, как её шаг сбился. Совсем чуть-чуть. Голова повернулась на полградуса обратно, будто мозг уже собирался дать вторую команду: проверить. И он среагировал раньше мысли.

— Не смотрите туда, - сказал он резко, слишком резко. Женщина вздрогнула, обернулась.

— В смысле?

— Работы по стеклу. Блики, - сразу вмешалась она. - Могут резать глаза.

Это прозвучало идиотски, но достаточно бытово. Женщина фыркнула.

— Нашли тоже мне объект повышенной опасности.

И всё же пошла дальше, уже не оборачиваясь.

Он смотрел ей вслед, пока она не поднялась выше.

— Видел? - тихо спросила она.

— Да.

— Полсекунды.

— Да.

— Значит, цикл срабатывает почти мгновенно.

Он сжал челюсть.

— И теперь в доме ещё одна потенциальная нитка.

— Не факт.

— Факт или нет, мне одинаково мерзко.

Пауза затянулась. Наверху хлопнула дверь квартиры. Чьи-то шаги. Потом тишина. Дом снова сделал вид, что всё нормально.

— Надо ускоряться, - сказала она.

— Осторожно ускоряться.

— Ненавижу, когда ты добавляешь противоречащие друг другу наречия.

— Я тоже. Но сейчас это честно.

Они вернулись к нише.

На этот раз он уже не открывал панель сам. Сначала проговорил позицию. Потом заставил её повторить. Потом только поддел край. Холод вышел сразу. Чёрный круг был на месте. Но теперь в нём как будто появилась слабая, почти незаметная неровность по краю. Не образ. Не лицо. Скорее дефект ровности. И именно он был опасен. Потому что просил подойти и проверить ближе.

— Не ведись, - сказала она так тихо, будто говорила не ему, а самой глубине.

— Я в курсе.

Он вынул из кармана маленький кусок мела и прямо на стене рядом с нишей написал крупно: «СНАРУЖИ». Ниже второе слово: «ЗДЕСЬ».

Она посмотрела.

— Дёшево.

— И прекрасно.

— Согласна.

Он не сводил взгляда с букв. Потом вслух, как можно суше, произнёс:

— Я снаружи. Я здесь. Ниша внутри стены. Полость внутри ниши. Круг внутри полости.

И в этот момент свет на втором этаже моргнул. Не погас. Просто дрогнул, как нерв.

— Есть, - сказала она.

— Да.

Она быстро добавила, будто добивала гвоздь:

— Я снаружи. Я у окна второго этажа. Стекло закрыто тканью. Круг не в стекле. Не на лестнице. Не рядом.

Изнутри ниши снова тот же сухой треск. На этот раз длиннее. Словно что-то внутри последовательности принудительно удерживали в неправильной конфигурации.

— Оно сдвигается, - сказал он.

— В каком смысле?

— Не в пространство. В способе удержания. Как будто его заставляют оставаться внутри.

— Тогда продолжай.

Он почти сразу понял, что одного утверждения мало. Нужна была не просто фиксация положения, а принуждение к единственному описанию. Очень тупому. Очень грубому. Как будто они загоняли что-то скользкое в коробку из слов, в которой нет красивых отверстий.

— Это полость в стене, - сказал он. - Внутри старой ниши. За металлической рамкой. Никакого другого входа нет.

— Это полость в стене, - повторила она. - Не коридор. Не окно. Не отражение. Только полость.

Свет снова моргнул. Сильнее.

А потом, прямо у него в кармане, завибрировал телефон. Одновременно с её телефоном.

Они оба замерли.

— Не сейчас, - сказал он сквозь зубы.

— Не открывай, - сказала она.

— И не собирался.

Вибрация шла длинной, настойчивой серией. Как сердцебиение, которое очень хочет называться чужим.

— Это давление, - сказала она. - Не читай.

Он вытащил телефон не для экрана. Просто выключил боковой кнопкой, глядя на собственную ладонь. Её телефон она сразу сунула в сумку, даже не вынимая.

Вибрация прекратилась.

И в ту же секунду изнутри ниши раздался звук, от которого у него по позвоночнику прошёл холод.

Смех.

Не человеческий в прямом смысле. Никакого голоса, никакой интонации. Просто последовательность сухих щелчков, слишком похожая на смех в плохом акустическом переводе. Как если бы сама идея издёвки попыталась использовать металл в качестве гортани.

— Твою мать, - сказала она почти шёпотом.

— Да.

— Оно поняло.

— Да.

— И что теперь?

Он смотрел на слово «СНАРУЖИ» на стене. Оно внезапно показалось единственной приличной вещью на всей площадке.

— Теперь нужно закрепить ошибку, - сказал он.

— Как?

— Сделать так, чтобы оно не могло вернуться в отражение

сразу.

Он достал рулон ленты, взял ткань и начал прямо поверх окна клеить крест-накрест матовые полосы. Не символически. Тупо. По диагонали. По вертикали. Разбивая поверхность на глухие сектора.

— Это уже похоже на психоз, - сказала она.

— Пусть. Главное, чтобы работало.

Она тут же подключилась, помогая натягивать ленту.

Через минуту окно перестало быть отражающей поверхностью в нормальном смысле. Теперь это был уродливый, заматованный прямоугольник, не дающий цельной картинки ни двора, ни коридора, ни лица. Почти сразу воздух стал чуть легче. Не безопасным. Но менее наглым.

— Почувствовала? - спросил он.

— Да.

— Значит, основная трасса всё же здесь.

— А ниша?

Он посмотрел на панель.

— Носитель. Якорь. Остаток процедуры. Возможно, место, где её легче удерживать и откуда она любит выходить. Но не единственный маршрут.

Она кивнула.

— Тогда Авдеев не зря разделял окно и глазок. Глазок обещает ясность. Окно даёт возврат слоя. Ниша удерживает внутреннюю полость.

— Да.

— Прекрасный набор для комфортной жизни в многоквартирном доме.

Они оба замолчали. Не от драматизма. От усталости. Мозг уже скрипел от количества новых правил, а ночь только начиналась.

И тут сверху, с третьего этажа, раздался крик.

Женский. Короткий. Не театральный. Настоящий.

Они сорвались почти одновременно. Вверх по лестнице, но не бегом слепо, а с той самой новой дисциплиной, которая теперь мешала телу двигаться естественно. Он проговаривал вслух:

— Третий этаж. Иду вверх. Смотрю на ступени. Перила слева.

Она повторяла за ним:

— Я за тобой. Смотрю на спину, не в окна. Третий этаж.

У квартиры той самой соседки дверь была приоткрыта. Изнутри лился тёплый жёлтый свет. Пахло лекарствами, кошачьим кормом и жареным луком. Сама старуха стояла в коридоре, держась за косяк так, будто только что резко встала.

— Что случилось? - спросила она.

— Вы кричали, - сказал он.

— Я? Нет. Я тарелку уронила.

На полу действительно лежали осколки.

Но было не это.

Старуха смотрела не на них. Чуть мимо. На площадку за их плечами. И в её лице уже появилось то самое движение.

Не страх. Проверка.

Он резко шагнул в сторону, перекрывая ей линию взгляда.

— Смотрите на меня, - сказал он.

Она моргнула, как будто просыпаясь.

— Чего это ты командуешь?

— Смотрите на меня. Где вы стоите?

Она нахмурилась.

— У себя дома, где же ещё.

— Конкретнее.

Она ещё сильнее нахмурилась, но ответила:

— В прихожей. У двери. На своём коврике.

И как только она это произнесла, взгляд у неё чуть собрался, стал снова старческим и раздражённым, а не пустым.

Он почувствовал, как рядом она тоже это заметила.

— Хорошо, - сказала она уже мягче. - Не смотрите на площадку. Мы вам потом объясним.

— Да что вы все заладили, - проворчала старуха, но уже без прежней отстранённости. - Я просто шум слышала.

— Закройте дверь и не открывайте никому сегодня, - сказал он.

— И телевизор выключите из розетки, - добавила она.

Старуха посмотрела на неё как на окончательно сумасшедшую, но вдруг неожиданно кивнула.

— Ладно. И глазок занавешу.

Дверь закрылась.

Они остались на площадке третьего этажа, среди запаха

еды, старой обуви и чего-то ещё, что уже начинало вплетаться в обычную человеческую среду слишком уверенно.

— Видела? - спросил он.

— Да. Она уже ловила вторую проверку.

— Значит, заражение по дому идёт быстрее, чем мы думали.

— Или мы своим приходом расшевелили всё сразу.

Он сжал зубы.

— Это я тоже уже понял.

Они спустились обратно ко второму этажу. Ниша была на месте. Окно теперь выглядело как склеенный матовый труп отражения. Хорошо. Хоть одна приличная вещь за вечер.

Он снова посмотрел на слово «СНАРУЖИ» на стене. И тут заметил, что под ним, чуть ниже, проступает тонкая серая линия. Не его мел. Не маркер. Что-то другое. Как будто из глубины штукатурки пытается выйти новый штрих.

— Не нравится мне это, - сказала она.

— Мне тоже.

Линия стала длиннее. Очень медленно. Почти лениво. И через несколько секунд они уже могли прочитать буквы.

«А где?»

Пауза между ними была почти физической.

— Оно отвечает, - сказала она.

— Да.

— И дразнит не образом, а логикой.

— Да.

Он почувствовал, как внутри поднимается то самое оскорблённое бешенство, которое в его случае почти заменяло страх. Оно решило спорить. Хорошо. Раз уж процедура захотела диспута, можно было хотя бы попробовать превратить это в ограничение.

Он взял маркер и прямо под серой фразой крупно написал:

«НА ПЛИТКЕ ВТОРОГО ЭТАЖА»

Потом ещё ниже:

«ПЕРЕД СТЕНОЙ»

Потом:

«НЕ ВНУТРИ»

Она смотрела на него, и в её лице на секунду мелькнуло нечто почти мрачное восхищение.

— Очень грубо.

— Именно.

Серая линия дрогнула. Словно штукатурка на миг забыла, что она штукатурка.

Из ниши послышался тот же сухой смех-щелчок, но уже рваный, с перебоями.

— Работает, - сказала она.

— Пока да.

— Что дальше?

Он поднял голову к лампе. Она горела ровно. Слишком ровно. В такие моменты обычный свет кажется почти непристойным.

— Дальше нам нужно не просто удержать его внутри. Нам нужно понять, что именно является "ответом" на самом низком уровне. Что считается первым согласием.

— Проверка.

— Не только. Подход к двери. Намерение посмотреть. Импульс сверить. Подмена позиции. Всё это звенья. Нужна самая первая точка.

Она быстро листала тетрадь.

— Здесь. Смотри. "Оно не использует страх первым. Первым идёт вежливое предложение уточнить". Вот. "Не отвечай на вежливость". Чёрт.

Он забрал у неё тетрадь, прочитал ещё раз.

И тут до него дошло.

Не полностью. Но достаточно.

— Поэтому сообщения такие, - сказал он. - Они вежливые. Почти корректные. "Не смотри слишком долго". "Вы закрыли не то". "Но уже лучше". Это не угрозы. Это приглашение к диалогу в форме помощи.

Она медленно выдохнула.

— То есть первая точка заражения не страх и не образ. А согласие принять от этого что-то полезное.

— Да.

— Принять подсказку.

— Да.

Они оба одновременно посмотрели на тетрадь Авдеева. Потом друг на друга. Потом обратно на нишу.

— Твою мать, - сказала она.

— Именно.

— Мы читали это как инструкцию. Но если оно умеет говорить полезным тоном...

— Тогда нужно проверить, какие фразы принадлежат Авдееву, а какие уже нет.

В горле стало сухо. Это был хороший, честный ужас. Не мистический. Методический. Потому что если враг способен мимикрировать под помощь, вся система обучения сразу становится двусмысленной.

— Нам нужен внешний критерий, - сказала она. - Не смысл, а структура.

— Да.

Они сели прямо на ступени между вторым и третьим этажом. Не из слабости. Из необходимости. Свет падал сверху, окно было заматовано, ниша закрыта, но холод всё ещё чувствовался сквозь панель, как зубная боль, которую нельзя потрогать пальцем, но очень хочется. Он разложил тетрадь, блокнот, свои записи. Она открыла телефон не для сообщений, а для камеры, включив режим без отражающей поверхности, и просто осветила бумагу, не поднимая экран.

— Смотри, - сказала она. - Всё, что мы считали полезным, либо про грубую фиксацию позиции, либо про предметность. Всё, что похоже на "не ищи лицо", "не отвечай вежливости", "не проверяй другим углом", работает как отрицательная инструкция. Но это ещё не доказательство.

— А вот это? - он ткнул в строку: "Пока оно внутри, ты ещё можешь быть снаружи".

— Это кажется его.

— Почему?

— Потому что без услужливости. Жёстко. Без утешения. Не предлагает выход, только предел.

Он кивнул.

— А фразы типа "не смотри слишком долго" именно раздражающе заботливы.

— Да. Как человек, который уже вошёл в разговор и делает вид, что помогает не ошибиться.

Они молчали. Дом дышал вокруг них своими обычными трубами, батареями, шагами за стенами, водой в стояке, лифтом где-то в дальнем подъезде, и вся эта обычная механика теперь уже не маскировала кошмар, а служила ему фоном, почти оркестровкой.

— То есть оно не врёт напрямую, - сказал он. - Оно предлагает полезное правило, но уже внутри своей рамки. Принимая правило от него, ты принимаешь сам факт разговора.

— А значит, первый ответ это не взгляд. Первый ответ это признание его собеседником.

— Да.

Она откинулась на стену и закрыла глаза на секунду.

— Вот теперь совсем мерзко.

— Да.

— Потому что тогда даже сообщения на телефоне не про-

сто триггер. Это установление тона отношений.

— Да.

— И белая полоска у двери тоже. Не нападение. Вежливый стук.

Он посмотрел на собственные ботинки, на серую плитку, на тупой материальный рисунок пола. Хорошие вещи. Пол не разговаривает. В этом его достоинство.

— Значит, правило, - сказал он. - Ни при каких обстоятельствах не интерпретировать его жест как помощь. Только как вторжение.

— И не вести внутренний диалог.

— Да.

Она кивнула.

— Тогда и Авдеев, возможно, погиб не потому, что не понял механизм. А потому, что слишком долго был вынужден учиться у него, пока искал выход.

Эта мысль села внутри неприятно и почти беззвучно. Очень возможно. Очень мерзко. И слишком похоже на правду.

Снизу хлопнула дверь подъезда. Потом ещё одна. Жизнь дома продолжалась, и именно это было самым унижительным во всей сцене. Пока они на лестнице разбирали логику чужой процедурной дряни, кто-то нёс домой молоко, кто-то звонил любовнице, кто-то включал мультики ребёнку, кто-то мыл тарелку после ужина. Мир не просто равнодушен. Он функционально неприличен.

Он поднялся.

— Всё. На сегодня достаточно.

Она посмотрела вверх.

— Уверен?

— Нет. Но сейчас мы уже уходим не из тактического поражения, а потому что получили слишком много нового. Если останемся дольше, пойдём в азарт, а это тупая форма согласия.

Она медленно кивнула.

— Ладно. Тогда последний проход с фиксацией позиции и вниз.

Они спустились так же, как поднимались. Проговаривая место, этаж, предмет. Не из суеверия. Из профессиональной ненависти. На первом этаже он выключил диктофон и только тогда понял, как сильно устал язык от этой механической работы. Хорошо. Пусть лучше устаёт язык, чем восприятие.

У машины они остановились. Дождь снова начал моросить. Мелко, почти неощутимо, но достаточно, чтобы в свете фонаря воздух стал похож на тонкий мусорный тюль.

— Что у нас? - спросила она.

Он загибал пальцы.

— Окно важнее ниши как активный маршрут возврата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.